

*на правах рукописи*

Гращенко Павел Валерьевич

**Композициональность в лексической и  
синтаксической деривации разноструктурных  
языков**

10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное  
языкознание

**АВТОРЕФЕРАТ**  
диссертации на соискание ученой  
степени доктора филологических наук

Москва 2017

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

**Официальные оппоненты:**

**Невская Ирина Анатольевна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН

**Агранат Татьяна Борисовна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы финно-угорских языков Института языкознания РАН

**Апресян Валентина Юрьевна**, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

**Ведущая организация:**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский Государственный Университет»**

Защита состоится « 28 » июня 2017 года в 14-30 на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский пр., д. 27, и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» <http://dissovet.philol.msu.ru/501.001.24/157/>.

Автореферат диссертации разослан « \_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2017 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук

А. М. Белов

## **ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ**

### **Объект исследования**

Языковой материал, на котором базируется диссертация, связан с глагольным и адъективным морфосинтаксисом ряда разноструктурных языков. Наиболее детальное описание получают данные отдельных тюркских, а также русского и осетинского языков. Для тюркских языков наиболее подробно исследованы казахский, киргизский, мишарский (диалект татарского языка), карачаево-балкарский, чувашский и тубаларский язык. Кроме этого привлекается материал других тюркских, а также романских, германских, славянских, иранских, монгольских, нахско-дагестанских, баскского, японского, корейского и других языков мира.

Содержательно анализируемый материал представляет языковые данные двух типов. Первый – сложные лексемы, полученные при участии других лексических единиц: русские сложные прилагательные, осетинские сложные предикаты (на основе прилагательных и существительных), тюркские сложные глаголы (с семантикой образа и результата действия). Второй тип языковых данных представляет собой разнообразные конструкции: сериальные конструкции тюркских языков в контексте отрицания, каузативизации и пассивизации; сравнительные и обособленные обороты русского языка, конструкции с управляющими прилагательными и генитивом качества.

### **Композициональность: история изучения и степень разработанности проблемы**

Принято считать, что впервые понятие композициональности сформулировал Г. Фреге, однако, как указывает Янсен<sup>1</sup>, современное понимание этого термина скорее восходит к Р. Карнапу (ученику Фреге) и Р. Монтегю. Барбаре Парти принадлежит каноническое определение Принципа Композициональности:

#### **(1) Композициональность<sup>2</sup>**

Значение целого есть функция значений его частей и способа их синтаксического комбинирования

Композициональность (композиционность) интересует лингвистов потому, что затрагивает важный (а для многих исследователей – важнейший) вопрос о природе языковой способности человека. Как показывает определение Парти, с понятием композициональности

---

<sup>1</sup> Janssen Th. Compositionality: Its historic context // The Oxford Handbook of compositionality / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. Oxford Univ. Press, 2012. P. 19-46.

<sup>2</sup> Partee B. H. Lexical semantics and compositionality // Invitation to Cognitive Science. / ed. by L. Gleitman and M. Liberman. vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 311–360.

связаны две ключевые проблемы: i) насколько последовательны правила соединения простых значений в сложное и ii) как эти правила связаны с языковой структурой. Для диссертации актуальны оба аспекта проблемы композициональности.

В работе рассмотрены некоторые случаи, которые могут показаться отклонением от принципа композициональности. Ряд таких отклонений отметила уже Б. Парти, показав, что при анализе композиции некоторых элементов исследователи должны учитывать их специфику: не все прилагательные соединяются с именами по одним и тем же законам, необходимо особым образом учитывать вклад дейктических элементов и т.д. В диссертации ставилась более узкая задача – оценить композициональность пропозиционального содержания высказывания до его вхождения в конситуацию.

Современная парадигма исследований композициональности получила самые разнообразные варианты развития, см. вышедший относительно недавно «The Oxford Handbook of Compositionality»<sup>3</sup>, где представлены современные подходы к различным аспектам и проявлениям композициональности: исследуется роль композициональности в теоретическом аппарате лингвистики, ее понимание в формальной семантике и синтаксисе, изучается роль и последствия применения принципа композициональности в психолингвистике, эволюционной лингвистике, компьютерном моделировании, см. относительно последнего также работы Э. Кинэна<sup>4</sup>.

Композициональность предполагает наличие регулярных правил сочетания элементов, поэтому одна из задач – установить, где именно локализованы подобные правила. В работе принимается стандартная точка зрения, в соответствии с которой лексикон как часть естественного языка определяется в первую очередь внеязыковой действительностью. Механизмом, ответственным за композициональность, мы будем считать способность получать бесконечное количество языковых выражений из ограниченного материала, т.е. единиц лексикона. Подобный подход можно считать стандартным, ср.: «Два главных компонента исходного представления смысла предложения – это лексический состав предложения и синтаксическая структура»<sup>5</sup>.

Возможны следующие взгляды относительно применимости регулярных правил (=правил синтаксиса) «внутри» лексикона. С точки зрения одних исследователей, см.,

---

<sup>3</sup> The Oxford Handbook of compositionality / ed. by M. Werning, W. Hinzen, E. Machery. Oxford University Press, 2012. 748 p.

<sup>4</sup> Keenan E., Stabler E. Bare Grammar. A Study of Language Invariants. Stanford Monographs in Linguistics. Stanford, CA: CSLI Publications. 2004. 219 p.

Fulop S. A., Keenan E. L. Compositionality: A global perspective // Semantics / ed. by F. Hamm and T. E. Zimmermann. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2002. P. 129–137.

<sup>5</sup> Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3–24.

например, теорию Семантических Прimitives А. Вежбицки<sup>6</sup> или Порождающего Лексикона Дж. Пустейовски<sup>7</sup>, весь лексикон может быть построен из некоторых элементарных единиц. Перенос «синтаксической работы» в лексикон удобен, например, в проектах, связанных с компьютерным анализом и моделированием, каковым отчасти и является Порождающий Лексикон. В разработке идеальной теоретической модели языка, это, однако, представляется неоправданным. Модель, пытающаяся приблизиться к отражению языковой способности у человека, должна быть максимально экономной. Человек усваивает родной язык в раннем детстве, не обладая развитой способностью к систематическому анализу информации и без специального обучения. Если бы модуль, ответственный за регулярное порождение новых значений был бы связан (только) со словарем, мы, например, должны были бы наблюдать неограниченное распространение некоторых регулярных моделей в словаре. Так, каузативно-инхоативное чередование (также анализируемое Пустейовским как лексический процесс) *John broke the vase – The vase broke* ('Джон разбил вазу' – 'Ваза разбилась') должно было бы распространяться и на другие лексические единицы. Мы должны были бы иметь лексические варианты *John built the house – \*The house built* ('Джон построил дом' – 'Дом построил[ся]'), которых в действительности нет в словаре.

Итак, представляется разумным не переносить всю «порождающую работу» в лексикон. Другой крайностью является абсолютное лишение словаря доступа к порождающему компоненту. Такой подход представлен в парадигме Распределенной морфологии (Distributed Morphology)<sup>8</sup>. С точки зрения Распределенной морфологии, словарь (Encyclopedia) лишен всяких сведений о грамматических свойствах содержащихся в нем единиц. Грамматические признаки – результат синтаксической деривации, которая проходит «all the way down»<sup>9</sup>, т.е. вплоть до самой основы, включая все морфологические единицы. Подобный «синтаксический экстремизм» приводит к тому, что даже принадлежность лексем к той или иной части речи (=категориальные значения) присваиваются в процессе синтаксической деривации. Солидаризуясь в целом с идеей о сложном композиционном устройстве словоформы, мы, тем не менее, далеки от того, чтобы вовсе удалять лексикон из числа языковых компонентов, как это сделано в Распределенной морфологии.

<sup>6</sup> Wierzbicka A. Semantics: primes and universals. Oxford: Oxford University Press, 1996. xii + 500 p.

<sup>7</sup> Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistic. 1991. 17 (4). P. 409–441.

Pustejovsky J. The generative lexicon. Cambridge, MA: MIT Press. 1998. 298 p.

<sup>8</sup> Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection // The view from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger / ed. by S. J. Keyser and H. Kenneth. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 111–176.

Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. Philadelphia, PA: Upenn Department of Linguistics, 1997. 4. P. 201–225.

<sup>9</sup> Harley Heidi, Noyer R. Distributed morphology // Glot International. 1999. 4 (4). P. 3–9.

Представление о сложной композиционной организации часто распространяется не только на словоформы, но и на лексемы. Подобная гипотеза, уходящая корнями в 80-е годы прошлого века, сегодня связана с целым семейством подходов, которое можно было бы обозначить как теорию Лексической декомпозиции (Lexical Decomposition)<sup>10</sup>. Согласно такому подходу, лексическое значение, например, глагола неэлементарно и состоит из набора регулярных компонентов, которым соответствуют элементы аргументной и событийной структуры глагола. Теории лексической декомпозиции, первоначально развивавшиеся на материале английского языка, нашли многочисленные подтверждения в языках, далеких от английского и европейских, таких, как, например, иранские или тюркские.

В отечественной лингвистике также неоднократно затрагивались проблемы взаимодействия значений при соединении тех или иных словоформ или частей слова<sup>11</sup>. Характерная черта подхода отечественных исследователей – пристальное внимание к взаимодействию значений, имплицитно представленных в тех или иных лексемах, например, – (имплицитного) каузатора / экспериенцера или отдельных ситуаций, составляющих событие (в т.ч. относящихся к пресуппозиции / ассерции), – начала, развития, результирующего состояния, а также исследование поведения данных слагаемых лексического значения в контексте отрицания и других операторов и т.п.

Декомпозиционная перспектива имеет богатую историю изучения в отечественной науке. В «Лексической семантике» Ю.Д. Апресяна исследуется идея разложимости лексического значения на стандартные элементы, соответствующие каузативным, начальным, результирующим и другим фазам описываемых глаголами процессов, см., например, «*A показывает B X-у = показывает (A, B, X) = 'A каузирует (X видит B)' = 'каузирует (A видит (X, B))'*»<sup>12</sup>. Можно сказать, что написанная в 1970 г. и впервые изданная в 1974 г. «Лексическая семантика» Ю. Д. Апресяна<sup>12</sup> предвосхитила многочисленные варианты декомпозиционных подходов, столь бурно развившихся впоследствии в западной лингвистике.

---

<sup>10</sup> Rappaport Hovav M., Levin B. Building verb meanings // The Projection of arguments: Lexical and compositional factors / ed. by M. Butt and W. Geuder. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97–133.

Hale K., Keyser J. Prolegomenon to a theory of argument structure. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 281 p.

Ramchand 2008 – Ramchand G. C. Verb meaning and the lexicon. Cambridge, 2008. 228 p.

Borer H. The syntactic domain of content // Generative linguistics and acquisition: Studies in honor of Nina Hyams / ed. by M. Becker, J. Grinstead and J. Rothman. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 205–248.

<sup>11</sup> Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М., 1974. 292 с.

Падучева 1999 – Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 3–24.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл <=> Текст». М.: Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995. 682 с.

Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996, 460 с.

Богуславский И. М. Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 8–18.

<sup>12</sup> Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Т. 1. М., 1995. 364 с.

## Актуальность исследования

Несмотря на известное единодушие в принятии композициональности как одного из основных принципов организации языка, среди лингвистов все чаще находятся скептики в данном вопросе. Наиболее мощным источником скептицизма относительно композициональности являются лингвисты, работающие в парадигме так называемой Грамматики конструкций (Construction Grammar), ср.: «полная интерпретация, ассоциируемая с данной конструкцией, может не быть простой суммой ее частей, и в действительности редко ей является»<sup>13</sup>.

Действительно, конструкция как теоретический концепт возникла именно как вызов тем самым однотипным правилам комбинации элементов, которые стоят за регулярностью семантической композиции. И если нам не нужны регулярные правила в синтаксисе – нет смысла сохранять композициональность в семантике. Подобную линию рассуждений последовательно проводит А. Голдберг<sup>14</sup>, приводя стандартные для противников композициональности аргументы, связанные с идиоматикой, интерпретацией синтаксиса в языках с так называемым «свободным порядком слов», словоформами полисинтетических языков, просодией и т.д. (некоторые из них упоминались еще в классической статье Парти).

Отметим, наконец, что подход к синтаксису в духе конструкций имеет некоторые параллели в предлагавшейся в отечественной лингвистике парадигме «синтаксических фразем»<sup>15</sup>. Отличие подхода, предполагающего «малый», «фраземный» синтаксис, от Грамматики конструкций – в том, что Грамматика конструкций радикально отходит от идеи построения синтаксического целого последовательной проекцией единиц разных лексических категорий. Грамматика конструкций признает, например, именную группу, лишь вариантом конструкций, а не составляющей, построенной как проекция именной вершины. Подход в духе синтаксических фразем предполагает лишь частичную некомпозициональность единиц «малого синтаксиса», но не устраняет «большой синтаксис» из грамматики естественного языка.

К теоретикам Грамматики конструкций в сомнениях относительно универсальности принципа композициональности с определенного момента присоединился Дж. Фодор, стоявший у истоков применения композициональности в семантическом анализе. Согласно

---

<sup>13</sup> Fried M., Östman J.-O. Construction grammar: A thumbnail sketch // Construction Grammar in a cross-language perspective (Constructional approaches to language 2) / ed. by M. Fried, J.-O. Östman. Amsterdam; Philadelphia, PA: John Benjamins, 2004. P. 11–86.

<sup>14</sup> Goldberg A. Compositionality // The Routledge handbook of semantics / ed. by N. Riemer. London; New York: Routledge, 2016. P. 419–433.

<sup>15</sup> Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 141–190.

Лингвистика конструкций / под ред. Е. В. Рахилиной. М.: Азбуковник, 2010. 583 с.

последним воззрениям Фодора, ключевым концептом является не значение слов, а мысль (thought), поэтому язык, по его мнению – строго некомпозиционален<sup>16</sup>.

Вопрос о применимости принципа композициональности, таким образом, стал более чем актуален для современной лингвистики. Актуальность эта имеет еще и практическую причину. Будучи участником различных проектов по автоматическому анализу и извлечению информации из текстов на разных языках (русском, европейских, тюркских, китайском), автор диссертации неоднократно сталкивался с вопросом о том, какие именно методы дают наиболее эффективный и быстрый результат, какие алгоритмы демонстрируют лучшее качество анализа и являются наименее ресурсоемкими, наиболее производительными и т.д. Лишь один из многих примеров актуальности описываемой проблемы для прикладной лингвистики – выбор между так называемым «грубым» (robust) синтаксическим парсингом или чанкингом (chunking) и контекстно-свободным алгоритмом парсинга<sup>17</sup>.

### **Научная новизна диссертации**

О научной новизне работы можно говорить как минимум по двум причинам. Во-первых, проблема применимости принципа композициональности никогда прежде не была исследована на материале различных конструкций разнотипных языков, объединенных лишь тем, что все они бросают вызов этому принципу. Насколько известно автору, вопрос о возможности последовательно композиционального описания языка – от лексики до синтаксиса никогда прежде не становился специальной темой обширного типологического исследования.

Другой (не менее важный для самого автора) источник новизны работы состоит в том, что в нем получают детальное описание многие частноязыковые проблемы, которые прежде были исследованы мало и/ли недостаточно. К таким частным но, как представляется, важным конкретноязыковым проблемам мы относим: i) подробное исследование синтаксиса осетинских сложных предикатов; ii) изучение регулярных правил, действующих при образовании сложных слов и их сопоставление с правилами синтаксиса; iii) изучение грамматической семантики и синтаксиса тюркских конструкций со вспомогательными глаголами; iv) исследование синтаксиса и семантики русского генитива качества; v) изучение природы и свойств русских обособленных оборотов; vi) описание синтаксической структуры русских компаративов; vii) исследования типов управляющих русских адъективных лексем и их свойств.

### **Теоретическая и практическая значимость работы**

Исследование принципа композициональности на широком языковом материале важно для грамматической теории по следующим причинам. Возможность взгляда на язык как

---

<sup>16</sup> Fodor J. A. Language, thought and compositionality // Mind & Language. 2001. 16 (1). P. 1–15.

<sup>17</sup> Abney S. P., Johnson M. Memory requirements and local ambiguities of parsing strategies // Journal of Psycholinguistic Research. 1991. 20 (3). P. 233–250.

последовательно композициональное явление имеет сразу несколько важных следствий для теории языка. Композициональность в том виде, как она была сформулирована Парти, влечет за собой признание существования в языке регулярных правил композиции. Эти правила должны обладать такими свойствами как бинарность и рекурсивность с одной стороны и иметь стандартные принципы интерпретации с другой. Если это действительно так, мы получаем некоторое важное свидетельство существования у человека языковой способности, специфической именно для языка и не связанной с другими когнитивными механизмами (логическим мышлением, способностью к метафоре и метонимии и т.д.) Признание уникальности языковой способности и отсутствия связи между ней и другими когнитивными способностями человека, естественно, не исключает воздействия последних на язык. Влияние логических и других ментальных способностей на язык, безусловно, существует. Прежде всего оно наблюдается в лексиконе и лексических различиях между языками носителей, существующих в различных культурных и природных условиях.

Существование же специфичной для человека языковой способности, которая отличает его от других биологических видов, можно фактически свести к умению комбинировать однотипные элементы и создавать из них бесконечное множество высказываний, наделяя их интерпретацией. Такие высказывания могут и не иметь отражения во внеязыковой действительности – здесь уместно вспомнить «глокую куздру» Щербы или «бесцветные зеленые идеи» Хомского. Такое «универсальное механизированное» средство, выделяющее человека в отдельный биологический вид, помогло бы в числе прочего объяснить парадоксально быстрое и «качественное» усвоение языка ребенком и отсутствие генетической предрасположенности к конкретному языку у того или иного этноса (любой ребенок может усвоить любой язык, оказавшись в соответствующем языковом окружении).

Практическая ценность предпринятого исследования связана прежде всего с применением лингвистической теории для решения задачи извлечения информации из неструктурированных текстов на естественном языке. Если язык последовательно композиционален, задача автоматического анализа любого конкретного языка разрешима в конечные временные рамки. Автоматический анализ любого естественного языка в таком случае сводится к составлению словаря и написанию ограниченного количества продуктивных правил, соответствующих различным языковым уровням и описывающим различные поверхностные явления. Один из возможных вариантов прикладного применения результатов работы представлен в Приложении 2.

## Цели и задачи исследования

Целью работы является изучение вопроса о применимости принципа композициональности в тех случаях, когда языковое выражение не выглядит результатом последовательной композиции своих частей. Во многих подобных случаях в лингвистике прочно закрепился термин «конструкция»: сериальная конструкция, сравнительная конструкция и т.д. Как мы постараемся показать, как минимум в тех языковых явлениях, которые получили освещение в данной диссертации, термин «конструкция» является описательным ярлыком, а не теоретическим инструментом.

Кроме цели показать применимость принципа композициональности там, где он выглядит проблематичным, важной задачей диссертации является проведение корректных границ между лексическим и синтаксическим компонентами.

Итак, главные цели диссертации: i) показать, что исследуемые грамматические явления последовательно композициональны и ii) установить верную границу между языковыми правилами и элементами, с которыми они оперируют. Для достижения этих целей ставится задача систематического исследования материала разноструктурных языков и их описания в терминах формального синтаксиса, а также посредством методов синтаксической типологии и сопоставительной лингвистики.

В процессе решения поставленных задач будет изучено некоторое количество проблем, связанных с исследованием и систематизацией отдельных зон грамматики конкретных языков. Такими конкретными языковыми проблемами будут: особенности диахронии и грамматической семантики тюркских сериализаций, синтаксическая структура и вопрос о подлежащем в тюркских конвербах, семантическая классификация управляющих прилагательных и некоторые другие аспекты грамматик отдельных языков, не получавшие прежде необходимого внимания исследователей.

Глобальной целью работы является, таким образом, описание в композициональных терминах ряда сложных языковых явлений. Отметим, что подобная работа в последние годы активно проводится при исследованиях некоторых конкретных языков, проходивших в нашей стране. В ряде исследований отечественных ученых были предложены детально проработанные концепции анализа тех или иных аспектов морфологии и синтаксиса отдельных языков с позиций композициональной организации семантического и морфосинтаксического компонентов<sup>18</sup>.

---

<sup>18</sup> Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Шлуинский А. Б., Пазельская А. Г. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. 464 с.  
Пазельская А. Г. Наследование глагольных категорий именами ситуаций (на материале русского языка). Дис. ... канд. филол. наук. 2006. 216 с.

## Методология сбора и анализа материала

В диссертации было использовано несколько методик сбора языкового материала. Во-первых, существенная часть данных была получена методом грамматического анкетирования в рамках полевых исследований лингвистической экспедиции ОТиПЛ МГУ. В диссертацию вошли результаты полевого анкетирования по багвалинскому языку, мишарскому диалекту татарского языка, чувашскому, карачаево-балкарскому, тубаларскому, осетинскому и бурятскому языкам. Данные нескольких языков (мишарский, карачаево-балкарский и осетинский) были систематизированы и хранятся в виде языковых баз данных, которые могут быть предъявлены при необходимости.

Примеры на определенные языковые явления из русского, европейских и некоторых тюркских языков были собраны с помощью поисковых систем Яндекс и Google и проверены с информантом-носителем языка. Примеры из русского языка собирались автором также по имеющейся у него коллекции русской литературы 19-20 вв. Важным методологическим инструментом был анализ отрицательного языкового материала. Чаще всего такой материал получался либо изменением структуры найденных в интернете или коллекциях текстов примеров, либо конструированием неграмматичных примеров с последующим сбором мнений носителей.

Еще один вариант использования интернета в качестве источника лингвистических данных, применяемый в диссертации<sup>19</sup>, сводится к следующим этапам: i) сбору текстов на языке-объекте в интернете посредством употребления наиболее частотных и характеристических слов данного языка; ii) фильтрации дубликатов и «мусорных текстов»; iii) частичной разметке текста, релевантной для конкретного исследования либо написанию запроса средствами какого-либо языка программирования. Подобным образом были получены и проанализированы данные казахского, киргизского и осетинского языков (ни один из них не обладал доступным корпусом к моменту проведения исследования). Подобная методология сбора и анализа языкового материала, известная как «Веб как корпус», подробно описана в Приложении 1.

---

Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Дис. ... докт. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 537 с.

<sup>19</sup> Grashchenkov P., Ionov M., Malyutina S. Semi-tagged corpora method exemplified with a study of Ossetic nominalization // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / ред. А. Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 236–243.

Наконец, часть русских данных (прежде всего – при исследовании конструкций с обособлением) была получена с помощью Синтаксического подкорпуса Национального корпуса русского языка<sup>20</sup>.

В качестве аналитического инструмента в работе используется формальный аппарат, принятый в современной версии порождающей грамматики, – так называемая Минималистская программа. Базовые принципы и технический инвентарь минимализма уже получали достаточно подробное освещение на русском языке<sup>21</sup>.

#### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Принцип композициональности применим к словарю. Существуют элементы лексикона, представляющие собой результат действия регулярных правил построения и интерпретации.
2. Значение глагольной леммы представимо как результат комбинации некоторых элементарных значений, которые могут иметь самостоятельное выражение вне данной леммы.
3. Традиционное понятие синтаксической валентности может быть представлено в конфигурационных терминах. Основные участники события: подлежащее, прямой объект, а также бенефактивный / аппликативный участник заполняют узлы проекции одних и тех же типологически универсальных структур, с которыми они ассоциированы в различных языках мира.
4. Для объяснения многих явлений из области морфосинтаксиса (например, сериальных конструкций, сравнительных конструкций и т.д.) нет необходимости прибегать к конструкциям как теоретическому аппарату лингвистики. Подобные языковые явления представляют собой результат последовательного применения правил синтаксической и семантической композиции. Термин «конструкция» не имеет статуса теоретического инструмента и является описательным.
5. Леммы обладают информацией о принадлежности к определенной части речи уже в самом начале синтаксической деривации. В рамках некоторых формальных парадигм принят подход, согласно которому корни акатегориальны и снабжаются информацией о частеречной принадлежности в процессе построения высказывания. В диссертации показано,

---

<sup>20</sup> Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Б. Л. и др. Синтаксически и семантически аннотированный корпус русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М.: Индрик, 2005. С. 193–214.

<sup>21</sup> Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. 455 с.

Исакадзе Н. В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. 1999. 241 с.

Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 798 с.

Митренина О. В., Романова Е. Е., Слюсарь Н. А. Введение в генеративную грамматику. М.: URSS, 2012. 376 с.

что это не так и сведения о категориальной принадлежности востребованы уже на уровне морфем.

6. Синтаксическая деривация на всех этапах порождения высказывания носит бинарный характер. Принципу бинарности подчиняются как элементы «лексического синтаксиса», т.е. регулярные словообразовательные паттерны, так и составляющие, формирующие собственно синтаксическую структуру.

7. Причиной кажущихся отклонений от композициональности часто становятся диахронические процессы. Многие языковые явления демонстрируют не нарушение принципа композициональности, а осуществляющийся процесс перехода от одного типа структуры (например – отсутствие сериальных конструкций, биклаузалность) к другому (появление в языке сериальных конструкций, моноклаузалность). Процесс подобной диахронической перестройки простой предикации синхронно связан с явлением реструктурирования.

8. В основе синтаксической структуры ядерных единиц класса прилагательных лежат те же принципы построения, что и в основе глагольной структуры. Прилагательное является стативным предикатом, проецирующим свой субъектный аргумент в синтаксисе.

#### **Степень достоверности и апробация результатов**

Основные положения диссертации были изложены в докладах (в том числе приглашенных) на следующих международных и российских конференциях и семинарах: «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (ИРЯ, Москва 2016); Европейская программа обмена преподавателей и научных сотрудников «Erasmus+» (Витория-Гастейс, Испания, 2016); «Pronouns: Syntax, Semantics, Processing» (Москва, 2015); «Типология морфосинтаксических параметров» (Москва, 2012, 2014, 2015); «Societas Linguistica Europaea» (Лейден, Нидерланды, 2015); «41<sup>st</sup> Incontro di Grammatica Generativa» (Перуджа, Италия, 2015); «Diachronic Generative Syntax» (Кембридж, Великобритания, 2010; Оттава, Канада, 2013); «Семинар по типологии языков, компаративистике и лингвистическим традициям Востока» (ИСАА МГУ, Москва, 2013); «International Conference on Historical Linguistics» (Осло, Норвегия, 2013); «Diachronic Slavonic Syntax: Language Contact vs. Internal factors» (Нови Сад, Сербия, 2013); «33<sup>rd</sup> Linguistics Society of Nepal Meeting» (Катманду, Непал, 2012); «Научно-мемориальная конференция памяти А.Е. Кибрика» (Москва, 2012); «Ломоносовские чтения» (МГУ, Москва 2012); «Workshop on Altaic Formal Linguistics» (Кембридж, США, 2007; Лос-Анджелес, США, 2010; Штутгарт, Германия, 2012); «Natural Language Processing» (Санкт-Петербург, ноябрь 2011); Международная конференция по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог», (Бекасово, 2011); «Grammatical Change and the Expression of Subjects» (Регенсбург, Германия, 2010); «Syntax, Phonology and Language Analysis»

(SinFonIJA 3, Нови Сад, Сербия, 2010); «Generative Linguistics of the Old World» (Вроцлав, Польша, 2010); «International Workshop on Ergative Languages» (Бильбао, Испания, 2009); «Moscow Syntax and Semantics» (Москва, 2009); International Conference on Iranian Linguistics (ICIL3, Париж, Франция, 2009); «Morphology of the World's Languages» (Лейпциг, Германия, 2009); Formal Descriptions of Slavic Languages (FDSL-7,5, Москва, 2008); «Востоковедные чтения» (ИВ РАН, Москва 2008); «Linguistic Association of Great Britain» (LAGB-08, Колчестер, Великобритания, 2008); «West Coast Conference on Linguistics» (WCCFL 27, Лос-Анджелес, США, 2008); Конференция молодых исследователей «Синтаксические структуры 2» (РГГУ, Москва, 2008); «Московское Типологическое Общество» (МГУ, Москва, 2007); «Workshop on Argument Structure» (Витория-Гастейс, Испания, 2007); «Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей» (Санкт-Петербург, 2006); «West Coast Conference on Linguistics» (WECOL-34, Фресно, США, 2006).

Значительная часть результатов, полученных в ходе диссертационного исследования, легла в основу изданной автором монографии<sup>22</sup>. Отдельные результаты исследования нашли отражение в курсах «Введение в теорию грамматических изменений», «Исторический синтаксис», «Введение в прикладную лингвистику», «Строй неиндоевропейского языка», «Прилагательные, синтаксис, типология», которые автор читает студентам и аспирантам Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

### **Структура работы**

Диссертация состоит из Введения, двух частей, Заключения и двух приложений. Первая часть посвящена изучению проблемы композициональности в лексиконе и включает три главы. Первая глава исследует русские сложные слова и атрибутивы тюркских, монгольских и нахско-дагестанских языков, во второй анализируется структура осетинских сложных предикатов, в третьей – внутренняя организация и некоторые дистрибутивные свойства тюркских глаголов со значением ‘образ действия – результат’. Во второй части, состоящей из двух глав, проводится исследование глагольных и адъективных проекций. Первая глава второй части посвящена исследованию взаимодействия тюркских глаголов-сериализаторов и показателей актантной деривации и отрицания. Во второй главе освещены различные проблемы русского адъективного морфосинтаксиса, предпринимается попытка анализа морфологической структуры адъективной словоформы, а также анализа структуры компаратива, предикативного и обособленного употребления прилагательных и связанных с этим проблем. В Заключении подводятся итоги диссертационного исследования. Приложение 1 описывает основные принципы сбора и анализа

---

<sup>22</sup> Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.

языковых данных методом «Веб как корпус». Приложение 2 содержит прототип системы автоматического анализа русских сложных слов и его краткое описание.

## СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** представлена общая характеристика диссертации, ставятся основные задачи и определяется методология исследования, формулируются базовые принципы анализа материала, обосновывается актуальность поставленной научной проблемы.

**Первая глава** исследует атрибутивизацию сложных основ в русском языке сравнительно с некоторыми другими, в первую очередь – тюркскими, монгольскими и нахско-дагестанскими языками. Под сложными словами понимаются дериваты, в состав которых входит более одного корня – независимо от наличия и техники маркирования словообразовательного процесса. Такие «словоформы со сложной основой»<sup>23</sup>, или иначе – результат сложносUFFIXального и префиксально-суффиксального способов образования<sup>24</sup>, а также – сращения типа *долгоиграющий*<sup>24</sup>, представляют собой продуктивный источник новых слов. В эту же группу попадут дериваты, традиционно относимые к приставочным: *настенный*, *околоземный* и т.д.

Одно из базовых различий в устройстве сложных слов состоит в разделении на сочинительные (2.a) и подчинительные (2.b)<sup>23</sup>:

(2)

a. [красн & бел]ый, [кисл & слад]кий, [желез & бетон]ный, [французск & русск]ий, ...

b. [[больш] голов]ый, [[много] слов]ный, [[легко] воспламен]имый, [[товар]обмен]ный, ...

В случае подчинения можно говорить о том, что типы образуемых сложных слов коррелируют с типами образуемых в синтаксисе составляющих, ср.: «словосложение является своеобразным комбинированным типом словообразования, синтаксико-морфологическим»<sup>25</sup>. Следующая таблица суммирует допустимые и недопустимые синтаксические модели, на основе которых строятся сложные прилагательные:

---

<sup>23</sup> Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 792 с.

<sup>24</sup> Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта : Наука, 2011. 323 с.

<sup>25</sup> Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 155—165.

**Таблица (1)** Синтаксические источники сложных прилагательных

| Тип синтаксической проекции       |      | Сложное прилагательное                         |
|-----------------------------------|------|------------------------------------------------|
| <b>именная группа</b>             |      |                                                |
| с прилагательным                  | ok   | <i>высокогорный, равнобедренный</i>            |
| с количественным числительным     | ok   | <i>двухъярусный, трехэтажный</i>               |
| с порядковым числительным         | ok   | <i>первоклассный, второсортный</i>             |
| с квантором                       | ok/? | <i>всепогодный, каждодневный</i>               |
| с генитивным зависимым            | *    | <i>*отцедомный, *ведководный</i>               |
| с лексическим зависимым           | *    | <i>*детеподарочный, *женострастный</i>         |
| <b>глагольная группа</b>          |      |                                                |
| с прямым объектом                 | ok   | <i>бумагоделательный, звуковоспроизводящий</i> |
| с инструментом / средством        | ok   | <i>электроосветительный, газоснабжающий</i>    |
| с лексическим зависимым           | *    | <i>*врагогрозный, *нищеподающий</i>            |
| с обстоятельством образа действия | ok   | <i>долготерпеливый, здравомыслящий</i>         |
| с локативным участником           | ok   | <i>мореходный, водоплавающий</i>               |
| <b>группа прилагательного</b>     |      |                                                |
| с наречием-интенсификатором       | *    | <i>*оченьинтересный, *совсемпустой</i>         |
| с лексическим зависимым           | *    | <i>*отцепохожий, *детевредный</i>              |
| <b>предложная группа</b>          |      |                                                |
| предлог + именная группа          | ok   | <i>придорожный, международный</i>              |

Существующие ограничения на образование сложных прилагательных на основе некоторых синтаксических моделей объясняются исходя из современных представлений о структуре именной группы и присваивании падежа в формальной лингвистике. Так, например, сложные слова не могут содержать определенных местоимений: *\*это(го)годный*, *\*такопогодный*. Подобные местоимения соответствуют уровню проекции D, максимально удаленному от лексического ядра, и связанному с выражением референциального статуса, т.е. с конситуацией. Столь высокие уровни синтаксической проекции недоступны в лексиконе:

(3)

- |                                         |   |                              |
|-----------------------------------------|---|------------------------------|
| a. [DP <i>этот</i> [N <i>год</i> ]]     | → | *[DP <i>это(го)год</i> ]-ний |
| b. [DP <i>такая</i> [N <i>погода</i> ]] | → | *[DP <i>такопогод</i> ]-ный  |

Установление списка достижимых синтаксических моделей образования сложных прилагательных позволяет сформулировать ряд важных закономерностей. Во-первых, благодаря наличию большого количества продуктивных моделей появляется возможность установить порядок деривации сложных прилагательных. Во-вторых, процесс адъективизации сложных основ в русском сопоставляется с образованием атрибутивных составляющих в ряде неиндоевропейских языков. В-третьих, оказывается возможным сформулировать важные для определения структуры сложных прилагательных обобщения.

Ряд фактов говорит о том, что деривационная история прилагательных выглядит следующим образом: [[основа<sub>1</sub>-основа<sub>2</sub>]-суффикс], т.е. сначала образуется комплекс из двух лексических основ, который впоследствии оформляется суффиксом, ср.: «основа слова *безлошадный* получена в два шага (...): 1) *без-* и *лошад-* соединяются в приставочно-корневой комплекс *безлошад-* ...; 2) основа *безлошад-* соединяется с суффиксом *-н-*»<sup>26</sup>. Об этом свидетельствуют тип суффикса, ударение, семантика и другие особенности деривации. Те же факты говорят о бинарном порядке ветвления в сложных словах, ср.: «Поэтапные правила предполагают, что деривационная история любого производного представлена в виде последовательности шагов, на каждом из которых к корню или к основе ... присоединяется один аффикс ... Существенно то, что для такого представления необходимо отказаться от используемого в определенных случаях в морфологии понятия одновременного присоединения к корню (основе) двух или более морфем справа и слева (так наз. префиксально-суффиксальный способ... Все случаи такого рода для акцентологических целей должны быть представлены в виде цепи последовательных бинарных соединений»<sup>26</sup>.

Во многих языках мира наряду с адъективизацией (т.е. образованием новой лексической единицы адъективного класса) отмечена также атрибутивизация – образование определения, не обязательно являющегося адъективной лексемой. Атрибутивизироваться часто может не просто основа, но целый синтаксический комплекс:

(4) мишарский

|                         |          |                      |          |
|-------------------------|----------|----------------------|----------|
| a. [zeŋger küz]-le      | kʏz      | b. [biʃ bülme]-le    | jʏrt-lar |
| голубой                 | глаз-ATR | девushка             | пять     |
| ‘голубоглазая девushка’ |          | ‘пятикомнатные дома’ |          |

По ряду свойств атрибутивизаторы отличаются от адъективизаторов. Так, атрибутивизаторы могут оформлять составляющие с числовыми показателями:

<sup>26</sup> Зализняк А. А. Акцентная система современного русского литературного языка // Русское именное словоизменение. М.: Языки русской культуры, 2002. С. 373–478.

(5) коми<sup>27</sup>

|       |             |       |
|-------|-------------|-------|
| [лӧз  | синъяс]-а   | пилот |
| синий | глаз.PL-ATR | пилот |

‘синеглазый пилот’

Атрибутивизаторы часто омонимичны падежным показателям комитатива и каритива. Такие морфемы (в отличие от адъективизаторов) могут присоединяться к местоимениям:

(6) чувашский [интернет]

|        |     |          |         |
|--------|-----|----------|---------|
| Халь   | вӑл | [ман]-па | тусӑ    |
| сейчас | он  | я-COM    | дружный |

‘Он сейчас дружит со мной.’

(7) чувашский [интернет]

|           |      |          |    |           |              |
|-----------|------|----------|----|-----------|--------------|
| Шкул-та   | пӗр  | уяв      | та | [ман]-сӑр | ирт-мес-т.   |
| школа-LOC | один | праздник | и  | я-CAR     | идти-NEG-PRS |

‘В школе ни один праздник без меня не проходит.’

Другое свойство, характерное для атрибутивизаций в нахско-дагестанских языках, – способность к согласованию внутри атрибутивизированной составляющей:

(8) багвалинский

|        |               |         |
|--------|---------------|---------|
| [miʃa  | r=eʃ'at'u]=j  | jaʃ     |
| волосы | N.PL=черный=F | девочка |

‘черноволосая девочка’

Сопоставление русских сложных прилагательных с атрибутивизированными составляющими позволяет сделать вывод о существовании в языках мира определенного «промежуточного» типа проекций, возглавляемых прилагательными. Такие составляющие, с одной стороны, имеют дистрибутивным эквивалентом обычные одиночные прилагательные. С другой стороны, с точки зрения своей внутренней организации, они демонстрируют наличие определенной синтаксической структуры. Можно сказать, что русские сложные

---

<sup>27</sup> Е.В. Деликанова, л.с.

прилагательные вполне вписываются в общую тенденцию различных языков оформлять некоторые составляющие показателями атрибутивизации.

Русский язык налагает ряд интересных ограничений на структуру сложных слов. Первое ограничение выглядит следующим образом:

(9) Наблюдение об ограничении на количество ветвлений сложных слов

Сложные слова могут образовываться только на уровне синтаксического вложения, равного одному.

Несмотря на наличие множества продуктивных моделей образования сложных адъективных основ, более чем однократное применение таких моделей невозможно, ср.:

(10)

a. Num+Adj+ N

*\*двухвысокоярусный, \*трехравносторонний, \*многозначный*

b. DO: Adj+N + V

*\*глубоководоотводный, \*сахаросвеклозаготовительный \*цельнометаллообрабатывающий*

c. IO: Num/Adj+ N + V

*\*высокоэнергозависимый, \*дву(х)домовладеющий, \*дву(х)топлив(н)оснабжающий*

d. P+ Num/Adj+ N

*\*забелооблачный, \*прикрасноморский, \*надвустенный*

e. PP+ V/Adj

*\*замореходный, \*отцентробежный, \*насудходный*

Кроме этого в русском релевантно также следующее ограничение:

(11) Наблюдение об ограничении на направление ветвления

Все зависимые в сложных словах располагаются слева относительно вершины.

Его можно продемонстрировать следующими примерами:

(12)

*отводить воду* → *водоотводный* vs. *\*отводоходный*

*ходить на судах* → *судходный* vs. *\*ходосудовой*

Результатом обсуждения ограничений на образование сложных слов является вывод о правилах проекции, действующих в сложных словах и их соотношении с правилами проекции в синтаксисе. Внутри слова допустимы лишь вершины (единицы категории  $X_0$ ), в то время как синтаксис оперирует еще и с фразовыми категориями (XP). Селективные ограничения  $X_0$ -синтаксиса являются подмножеством таковых у XP-синтаксиса:

(13) Селективные ограничения на зависимое

|                                             | XP-синтаксис                 | $X_0$ -синтаксис |
|---------------------------------------------|------------------------------|------------------|
| a. <u>категория (проекция) зависимого</u> : | N, V, Adj, ...               | N, V, Adj, ...   |
| b. <u>тип словоформы</u> :                  | падеж, нефинитная форма, ... | ---              |

Синтаксис XP отличается тем, что он накладывает дополнительные ограничения на тип составляющей (падеж, нефинитная форма, ...), которые нерелевантны для  $X_0$ -синтаксиса. Схематическое представление результата слияния вершины с ее зависимым (составляющей или вершиной) дано ниже:

$$(14) [_{Z(P)} [_{(YP)} [... \sqrt{Y}]] \sqrt{Z}]$$

Такая общая схема имеет различные варианты реализации для случая синтаксиса (составляющих) и синтаксиса вершин (=морфологии):

|      |                                                                             |                                   |
|------|-----------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------|
| (15) | a. XP-синтаксис                                                             | b. $X_0$ -синтаксис               |
|      | $[_{ZP} [_{YP\{case\}} ... [_{YP} ... [ \sqrt{Y}]]] \sqrt{Z} \{Y, (case)\}$ | $[_Z [ \sqrt{Y}] \sqrt{Z} \{Y\}]$ |

Невозможность более чем одного ветвления в составе (подчиненных) сложных слов связана с тем, что морфология не допускает единиц уровня XP, а при более чем одном ветвлении такие единицы с неизбежностью возникают – таковы требования синтаксиса. Правила, действующие в (XP-)синтаксисе и внутри словоформ (в  $X_0$ -синтаксисе) изоморфны.

Другое наблюдение над русскими сложными прилагательными связано с сочинением:

(16) Наблюдение об ограничении на сочинение вершин

При образовании сложных слов допустимо лишь сочинение зависимых, а сочинение вершин невозможно.

Данное ограничение можно продемонстрировать следующими примерами:

(17)

[интернет]

черно- и желтолицый, двух- и четырехколесный, стале- и чугунолитейный...

(18)

а. \*черноглаз- и лицый, \*черноглазый и лицый

б. \*двухколес/н- и местный, \*двухколесный и местный

с. \*сталеплавиль/н- и литейный, \*сталеплавильный и литейный

Еще один источник данных об организации сложных слов – рефлексивизация. Русский язык выбирает стратегию с использованием интенсифицирующего *сам*:

(19)<sup>28</sup>

самодельствующий, самопишущий, самоходный, самовлюбленный, самодовольный,...

По этому параметру русский язык отличается, например, от литовского, использующего синтаксический рефлексив типа *себя* (ср. лит. *savamokslis* – ‘самоучка’, букв. \**себяучка* и т.д.) Возможно, выбор русским языком стратегии с *сам* связан с запретом на ХР-элементы в составе русских сложных слов. Из-за невозможности содержать единицы, бóльшие чем вершины, внутри русских сложных слов нет места таким синтаксическим отношениям как доминирование и си-командование, что исключает использование рефлексива *себя*.

**Глава 2** посвящена исследованию осетинских сложных предикатов (СП). Осетинские СП реализуют типологически распространенную стратегию образования предикативных единиц соединением именной части (ИЧ) и легкого глагола (ЛГ):

(20) курманджи<sup>29</sup>

|       |        |           |         |        |
|-------|--------|-----------|---------|--------|
| Ferho | dest-ê | mel-ê     | maç     | kir    |
| Ферхо | рука-М | мулла-OBL | поцелуй | сделал |

‘Ферхо поцеловал руку муллы.’

Морфосинтаксис осетинских СП таков. ИЧ может оформляться глагольным префиксом:

<sup>28</sup> Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1980. 880 с.

<sup>29</sup> Haig G. L. J. Noun-plus-verb complex predicates in Kurmanji Kurdish: Argument sharing, argument incorporation, or what? Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF) // Language Typology and Universals. 2002. 55 (1). P. 15–48.

(21) осетинский

|    |                 |             |      |
|----|-----------------|-------------|------|
| Æз | а-лыг           | кодтон      | дзул |
| Я  | PREF-порезанный | LV.PST.1.SG | хлеб |

‘Я порезал хлеб.’

С точки зрения ударения обе части СП образуют целое: ударение располагается обычно на именной части<sup>30</sup>.

Отрицание также располагается перед ИЧ<sup>31</sup>:

(22) осетинский

|    |     |         |             |
|----|-----|---------|-------------|
| Æз | нæ  | рынчын  | дæн         |
| Я  | NEG | больной | LV.PST.1.SG |

‘Я не болел.’

Поведение префиксов, ударения и отрицания отличает СП от других конструкций, ниже приведен пример с префиксом, который в этом случае обязательно располагается на глаголе:

(23) осетинский

|           |             |        |          |        |             |
|-----------|-------------|--------|----------|--------|-------------|
| а. *Циутæ | с-ахстон    | кодтой | б. Циутæ | ахстон | с-кодтой    |
| Птицы     | PREF-гнездо | делали | Птицы    | гнездо | PREF-делали |

‘Птицы гнездо свили.’

ИЧ и ЛГ в сложных предикатах не могут разделяться или следовать в ином порядке:

(24) осетинский

|    |     |              |             |
|----|-----|--------------|-------------|
| Æз | уый | фе-рох       | кодтон      |
| Я  | это | PREF-забытый | LV.PST.1.SG |

(25) осетинский

|     |              |     |             |
|-----|--------------|-----|-------------|
| *Æз | фе-рох       | уый | кодтон      |
| Я   | PREF-забытый | это | LV.PST.1.SG |

<sup>30</sup> Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. Орджоникидзе, 1965. 487 с.

<sup>31</sup> Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь / сост. Б. Б. Бигулаев и др. Орджоникидзе: «ИР», 1970. С. 543–720.

(26) осетинский

\*Æз уый кодтон фе-рох  
Я это LV.PST.1.SG PREF-забытый.  
‘Я забыл это.’

ИЧ в составе СП не может получать определений:

(27) осетинский

а. Заур Фатима-йы ба кодта  
Заур Фатима-GEN поцелуй LV.PST.3.SG  
‘Заур поцеловал Фатиму.’  
б. \*Заур Фатима-йы дыууæ ба-йы кодта  
Заур Фатима-GEN два поцелуй-GEN LV.PST.3.SG  
‘Заур поцеловал Фатиму.’

Итак, осетинские СП представляют собой единый упорядоченный грамматический комплекс с точки зрения следующих параметров: i) префиксация, ii) ударение, iii) расположение отрицания, iv) порядок элементов, v) недопустимость лексических зависимых.

Именная часть осетинских СП чаще всего выражена прилагательным, именем существительным, либо звукоподражательным словом. Легкие глаголы, используемые в осетинском языке для образования СП, ограничены глаголами *уын* ‘быть’ и *кæнын* ‘делать’. Правила сочетания ИЧ и ЛГ обобщены в следующей таблице (ЕА и ІА – внешний и внутренний участники соответственно, <ЕА+ІА> – переходный глагол):

**Таблица (2)** Аргументная структура осетинских СП

| ИЧ  | ЛГ       | беспрефиксные      | префиксальные      |
|-----|----------|--------------------|--------------------|
| Adj | ‘делать’ | *ЕА; ІА; <ЕА+ІА>   | *ЕА; *ІА; <ЕА+ІА>  |
|     | ‘быть’   | *ЕА; *ІА; *<ЕА+ІА> | *ЕА; ІА; *<ЕА+ІА>  |
| N   | ‘делать’ | ЕА; *ІА; *<ЕА+ІА>  | ЕА; *ІА; *<ЕА+ІА>  |
|     | ‘быть’   | *ЕА; *ІА; *<ЕА+ІА> | *ЕА; *ІА; *<ЕА+ІА> |

Для анализа структуры СП рассмотрены возможные подходы к СП как идиомам, анализ в духе лексических функций<sup>32</sup>, а также подход в терминах теории лексической декомпозиции<sup>33</sup>. В качестве теоретического инструмента выбрана теория лексической декомпозиции Дж. Рэмчанд<sup>34</sup>. Согласно наиболее проработанной версии декомпозиционного подхода, выделяются три универсальных уровня проекции: *init*, *proc*, *res*, из которых складывается каждая глагольная лексема<sup>34</sup>. Максимально высокий уровень *init* соответствует началу ситуации и задает ее каузатора. На следующем уровне, *proc*, определяющем особенности протекания обозначаемого глаголом процесса, задается участник-претерпевающий. Третий, наиболее глубокий уровень вложения, *res*, задает конечное состояние, в которое перейдет претерпевающий. Отдельные глаголы могут иметь или не иметь соответствующие уровни проекции. Благодаря различным комбинациям внутренних составляющих глагола и семантических ролей получаются все наблюдаемые варианты аргументной структуры. В терминах структуры Рэмчанд представлены все грамматичные комбинации ИЧ и ЛГ и объяснены причины неграмматичности всех невозможных вариантов.

ИЧ-прилагательное и ЛГ ‘делать’ могут соответствовать как непереходным, так и переходным вариантам. В первом случае участник, приобретающий предикцируемое СП качество (‘рассердиться’), порождается как внутреннее подлежащее группы прилагательного *мæсты* ‘сердитый’. Глагол ‘делать’ *кæнын* привносит значение перехода к новому состоянию и соответствует фазе неопредельного процесса, задаваемой вершиной *proc*, доминирующей над фазой результата *res* и группой прилагательного с ее внутренним подлежащим:

(28) осетинский

[<sub>procP</sub> [<sub>resP</sub> [<sub>AdjP</sub> [<sub>DP</sub> *Алан*] [<sub>Adj</sub> *мæсты*]]] [<sub>res</sub> ~~*уын*~~]] [<sub>proc</sub> *кæнын*]]

‘Алан рассердился’ (~ ‘произошел переход в состояние *Алан сердит*’)

<sup>32</sup> Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «Смысл <=> Текст». Семантика, синтаксис. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

<sup>33</sup> Hale K., Keyser S. J. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // The view from Building 20: Essays in honor of Sylvain Bromberger / ed. by K. Hale and S. J. Keyser. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 53–109. Hale, Keyser 1998 – Hale K., Keyser J. The basic elements of argument structure // Papers from the UPenn/MIT Round Table on argument structure and aspect. MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 32. Cambridge, MA, 1998. P. 73–118. Hoekstra T. Arguments and structure: Studies on the architecture of the sentence. New York: Mouton de Gruyter, 2004. 416 p.

Folli R., Harley H., Karimi S. Determinants of event type in Persian complex predicates // Lingua. 2005. 115. P. 1365–1401. Pantcheva M. 2008. First Phase Syntax of Persian Complex Predicates: Argument Structure and Telicity // Tromsø Working Papers on Language & Linguistics: Nordlyd 35, special issue on Complex Predication / ed. by P. Svenonius and I. Tolskaya, Tromsø: CASTL, 2008. P. 143–161.

<sup>34</sup> Ramchand G. C. Verb meaning and the lexicon. Cambridge, 2008. 228 p.

В случае переходного варианта СП (‘рассердить’) глагол ‘делать’ соответствует не только вершине *proc*, но и вершине, задающей каузирующее подсобытие в глагольной структуре, *init*:

(29) осетинский

[*initP* [*DP* *Заур*] [*initP* [*procP* [*resP* [*AdjP* [*DP* *Алан*] [*Adj* *мæсты*]] [*res* ~~уын~~]] [*proc* ~~кæнын~~]] [*init* *кæнын* ]]]

‘Заур рассердил Алана’ (~ ‘Заур каузировал переход Алана в состояние *быть сердитым*’)

СП с существительными не могут образовывать переходный вариант:

(30) осетинский

|        |        |                 |
|--------|--------|-----------------|
| Бæх    | гæпп   | кодта           |
| лошадь | прыжок | делать.PST.3.SG |

‘Лошадь прыгала.’

(31) осетинский

|     |            |        |                 |
|-----|------------|--------|-----------------|
| *Æз | бæх-ы      | гæпп   | кодтон          |
| я   | лошадь-GEN | прыжок | делать.PST.1.SG |

‘Я заставлял лошадь прыгать (прыгнуть).’

Такой запрет объясняется различиями в структуре внутренних составляющих СП, т.е. различием между свойствами существительных и прилагательных. Прилагательные могут (точнее – должны) иметь носителя состояния, что в отсутствие внешних участников приводит к образованию неаккузативных глаголов. При наличии вершины *init*, задаваемой глаголом ‘делать’, в СП добавляется внешний участник, что приводит к переходным структурам. ИЧ-существительные не имеют своих аргументов и поэтому могут входить в СП лишь с внешним участником, образуя неэргативные предикаты:

(32) осетинский

[*initP* [*DP* *Бæх*] [*initP* [*n* *гæпп*] [*init* *кодтон*]]]

‘Лошадь прыгала.’ (~ ‘Лошадь осуществляла прыгание’)

Таким образом, единственный участник СП с существительным вводится глаголом ‘делать’ (вернее – стоящей за ним вершиной *init*). Отсутствие собственных аргументов у имен приводит к другой дистрибутивной особенности СП с существительными – неграмматичности глагола ‘быть’ в функции ЛГ:

(33) осетинский

\*Æз    ленк            дæн.

я        плавание        быть.PRES.1.SG

‘Я плавал.’

Глагол ‘быть’ не способен вводить собственных участников, поэтому не может образовывать СП с ИЧ-существительными.

Интересные дистрибутивные ограничения наводятся телисизирующими префиксами. СП с существительными предсказуемо становятся предельными:

(34) осетинский

Бæх            а-гæпп            кодта

лошадь        PREF-прыжок        делать.PST.3.SG

‘Лошадь прыгнула.’

СП с прилагательными и глаголом ‘делать’ теряют способность быть непереходными:

(35) осетинский

Заур    Алан-ы            с-мæсты            кодта

Заур    Алан-GEN        PREF-сердитый        делать.PST.3.SG

‘Заур рассердил Алана.’

(36) осетинский

\*Алан        с-мæсты            кодта

Алан        PREF-сердитый        делать.PST.3.SG

‘Алан рассердился.’

Неграмматичность (36) связана с тем, что в (беспрефиксном) непереходном варианте адъективных СП используется глагол [<sub>прос</sub> кæнын], который лишен способности задавать внешний аргумент. Употреблениям кæнын в функции ЛГ соответствуют различные лексические употребления. Аналогом переходного ЛГ [<sub>init</sub> кæнын] является лексический глагол со значением ‘делать, производить’ (‘Птицы сделали гнездо’), (23.b). В то же время аналогом ЛГ [<sub>прос</sub> кæнын] является лексический глагол со значением ‘делаться, становиться’:

(37) осетинский

сывæллон                      кодта                      хъæлдзæг

ребенок                      делать.PST.3.PL                      веселый

‘Ребенок делался веселым’.

Подобный вариант глагола *кæнын* не допускает префиксации:

(38) осетинский

\*сывæллон                      с-кодта                      хъæлдзæг

ребенок                      PREF-делать.PST.3.PL                      веселый

‘Ребенок стал веселым’.

Непереходный префиксальный СП с прилагательным и ЛГ ‘делать’ невозможен из-за того, что [<sub>проc</sub> *кæнын*] не сочетается с префиксами (в таких случаях употребляется глагол *уын*).

Итак, свойства сложных предикатов зависят от того, элемент какой лексической категории их образует. Поскольку сложные предикаты сами являются единицами лексикона, Глава 2, аналогично Главам 1 и 5, предоставляет факты, опровергающие акатегориальность корней.

Кроме СП с именными и адъективными ИЧ исследованы два других типа СП: *transitiva tantum* (всегда переходные) и *mutata tantum* (всегда демонстрирующие каузативно-инхоативное чередование), проанализированы ограничение на сочинение частей СП и способность ИЧ содержать морфологические показатели. Способность к сочинению с общим легким глаголом проявляют лишь предикаты одинакового типа. При добавлении морфологических показателей к именной части изменения в лексической семантике предиката также прозрачны.

В целом аргументная и событийная структура сложных предикатов предсказуемо определяется взаимодействием именной части, легкого глагола и префикса. Материал осетинских СП также подтверждает ряд гипотез об устройстве неаккузативных, неэргативных и переходных глаголов, исходно сформулированных на материале европейских языков.

В **Третьей главе** рассмотрена проблема сложных глагольных образований, представленных тюркскими глаголами образа действия и результата:

(39) казахский

[интернет]

Монғол-дың бір    ноян-ы    Мөңке-нің    жарлығ-ы    бойынша

монгол-GEN один    нойон-3    Менке-GEN    указ-3    на.основании

|                                                                                         |           |         |                |                  |
|-----------------------------------------------------------------------------------------|-----------|---------|----------------|------------------|
| Бошман-ды                                                                               | балта-мен | қақ     | <b>жар-ы-п</b> | <b>өлтiр-дi.</b> |
| Бошман-АСС                                                                              | топор-INS | пополам | колоть-ST-CONV | убивать-PST      |
| ‘Один монгольский нойон на основании приказа Менке разрубил Бошмана напололам топором.’ |           |         |                |                  |
| (40)                                                                                    | казахский |         |                | [интернет]       |
| ... жаз шыға                                                                            | әртүрлі   | құстар  | <b>ұш-ы-п</b>  | <b>кел-е-дi.</b> |
| лето выходит                                                                            | различный | птицы   | лететь-ST-CONV | приходить-ST-PST |
| ‘...когда приходит лето, прилетают разные птицы.’                                       |           |         |                |                  |

Такие конструкции, определенные в диссертации как сложные глаголы (СГ), состоят из двух частей. Первая часть, соответствующая способу действия, стоит в форме конверба на *-п*, а вторая имеет спрягаемую форму и принимает все релевантные флексии. В традиционных описаниях СГ чаще всего считаются сложными лексемами, состоящими из двух самостоятельных глаголов<sup>35</sup>.

Можно выделить два крупных семантических подкласса СГ. Первый подкласс образуют глаголы способа перемещения (‘плыть’, ‘лететь’, ‘скакать’ и т.д.) и глаголы направленного движения (‘приходить’, ‘уходить’, ‘проходить’ и др.). Так, карачаево-балкарский глагол *ётерге*, ‘проходить’, образует СГ *учуб ётерге* ‘пролететь’, *секириб ётерге* ‘перепрыгнуть’, *сюркелиб ётерге* ‘переползти’, *жюзюб ётерге* ‘переплыть.’ Первые части данных СГ задают способ передвижения: ‘лететь’, ‘прыгать’, ‘ползти’, ‘плыть.’

Другой подкласс продуктивных глагольных значений включает случаи, в которых вторым компонентом выступает глагол, задающий результирующее состояние пациенса, а первым – глагол, описывающий способ изменения состояния пациенса. Например, глагол ‘убивать’, *ёлтюрюрге*, регулярно выступает в качестве второго компонента карачаево-балкарских СГ: *басыб ёлтюрюрге* – ‘задавить (машиной)’, *буўуб ёлтюрюрге* – ‘задушить’, *уруб ёлтюрюрге* – ‘зарубить’, *атыб ёлтюрюрге* – ‘расстрелять.’

Теоретически допустимы следующие варианты анализа структуры СГ: i) лексический подход; ii) конструкции с СГ аналогичны конструкциям с сериальными глаголами; iii) первые части СГ (глаголы образа действия) можно рассматривать как комплемент глаголов результата; iv) СГ представляют собой сочиненные составляющие; v) глагольные группы образа действия можно представить как адъюнкты к глагольным группам результата.

При лексическом подходе СГ могут быть рассмотрены как самостоятельные лексические комплексы и в целом правила их образования должны быть подобны правилам образования

<sup>35</sup> Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.

фразеологизмов. Однако фразеологизмы окказиональны, а отдельные их элементы не могут быть заменены лексемами с близкой семантикой, ср.: *писать как курица лапой*, но не *\*рисовать как курица лапой*; *делать из мухи слона*, но не *\*производить из мухи слона*, *\*получать из мухи слона* и т.д. Если анализировать СГ подобно фразеологизмам, не удастся объяснить тот факт, что при их образовании действуют прозрачные семантические правила.

Иногда СГ с результативной семантикой интерпретируются аналогично вспомогательным глаголам, передающим значение вида, времени и модальности, ср., например описание карачаево-балкарского глагола *кет-* как передающего значение «движения от субъекта, от говорящего, с результативным значением»<sup>36</sup>, объясняющее СГ типа ‘улетать’, ‘убегать’, ‘уползать’ и т.д. Против такого подхода говорят два факта. Во-первых, вспомогательные глаголы полностью лишены аргументной структуры – собственные зависимые при них невозможны. Во-вторых, свести результативные глаголы к вспомогательным не представляется возможным: не совпадает ни набор лексем, ни образуемое с их помощью значение. Среди вспомогательных глаголов карачаево-балкарского языка отсутствуют, например, глаголы *ёлтюрюрге* ‘умирать’ и *тешерге* ‘пробивать’ – результативный компонент значения добавляется более широким списком лексем, чем те, которые традиционно ассоциируются со вспомогательными глаголами.

Если считать глагол образа действия компонентом при глаголе результата, то прямой объект задаваемой СГ ситуации должен проецироваться лишь глаголом способа (а не результата). Это следует из того, что у глагола может быть лишь один компонент. Такая конфигурация невозможна потому, что в СГ типа ‘зарубить’ (досл.: ‘рубя, убить’) пациенс безусловно должен являться семантическим участником глагола результата (‘убить’).

Далее, как известно, сочинение и адъюнкция плохо различимы в случае тюркских глагольных групп. Однако при адъюнкции, чистый случай которой представляют наречия, уровень прикрепления адъюнкта не влияет на интерпретацию:

(41) казахский

|        |          |          |          |              |
|--------|----------|----------|----------|--------------|
| Нұрлан | (тез)    | үстел-ді | (тез)    | сүрт-ті.     |
| Нурлан | (быстро) | стол-АСС | (быстро) | вытирать-PST |

‘Нурлан (быстро) оттер стол.’

В случае СГ расположение глагола образа действия до либо после прямого объекта приводит к изменению интерпретации:

<sup>36</sup> Текуев М. М. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979. 82 с.

(42) казахский

|        |          |                  |             |
|--------|----------|------------------|-------------|
| Нұрлан | үстел-ді | сұрт-і-п         | тазала-ды.  |
| Нурлан | стол-ACC | вытирать-ST-CONV | очищать-PST |

‘Нурлан оттер стол.’

(43) казахский

|        |                  |          |             |
|--------|------------------|----------|-------------|
| Нұрлан | сұрт-і-п         | үстел-ді | тазала-ды.  |
| Нурлан | вытирать-ST-CONV | стол-ACC | очищать-PST |

Значения:

i) #‘Нурлан оттер стол.’

ii) ‘Нурлан тер и очистил стол.’

СГ более всего близки к сочинению двух ситуаций:

(44) казахский

|          |              |             |             |
|----------|--------------|-------------|-------------|
| Дон Жуан | Командор-ды  | бауызда-п   | өлтір-ді.   |
| Дон Жуан | Командор-ACC | резать-CONV | убивать-PST |

‘Дон Жуан заколол Командора.’  
(‘Дон Жуан, Командора резав, ~~Командора~~ убил.’)

В СГ, как в случае с сочинением, временной интервал первой ситуации оказывается частично вложен во временной интервал второй:

(45) казахский

[[Дон Жуан колол(T1) Командора] Дон Жуан убил(T2) Командора]  $T1 \subseteq T2$

Таким образом, СГ образа действия и результата представляют собой сочиненную структуру, образованную при участии глагола образа действия и глагола результата с совпадающим набором актантов и обстоятельств. Совпадение участников связано с однособытийностью СГ. Если изменить структуру, «разорвав» глаголы образа и результата прямым объектом, перевод будет содержать уже не одну, а две ситуации:

(46) карачаево-балкарский

Чомай джугъутур-ну ат-ы-б тюшюр-дю.

Чомай тур-ACC стрелять-ST-CONV бросать-PST

‘Чомай подстрелил тура.’

(47) карачаево-балкарский

Чомай ат-ы-б джугъутур-ну тюшюр-дю.

Чомай стрелять-ST-CONV тур-ACC бросать-PST

‘Чомай выстрелил и подстрелил (=свалил) тура.’

Однособытийность СГ обеспечивается тем, что прямой объект является частью общей сочиненной структуры, включающей глаголы образа и результата. Контактное соположение двух глаголов, таким образом, является условием однособытийности (= существования СГ).

СГ образованы сочинением некоторых структур, меньших, чем глагольная группа и бóльших, чем вершина. Подлежащее (внешний семантический участник, Ext.Arg), и прямой объект (внутренний участник, Int.Arg) являются общими для обеих глагольных групп:

(48) [<sub>VP</sub> Ext.Arg [<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> Adjunct(s) [<sub>VP</sub> Int.Arg [<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> V<sub>Manner</sub>] & [<sub>VP</sub> V<sub>Result</sub>] ] ] ] ] ]

СГ обладает еще одним свойством: способностью всей конструкции к пассивизации при оформлении показателем пассива лишь второго глагола:

(49) казахский

а. Командор бауызда-п өлтір-і-л-ді.

Командор колоты-CONV убивать-ST-PASS-PST

‘Командор был заколот.’

б. ?Өзен тез жүз-і-п өт-і-л-ді.

Река быстро плыть-ST-CONV проходить-ST-PASS-PST

‘Реку быстро переплыли.’

В данных примерах от СГ различных семантических типов (результативного и директивного) образован пассив. Несмотря на то, что пассивный маркер употреблен только на глаголе результата, пассивное значение получают оба глагола и вся конструкция в целом.

Подобные пассивы возможны от СГ и невозможны в случаях, где семантика двух глаголов не допускает прочтения образ действия – результат:

(50) казахский

\*Командор шақыр-ы-п өлтір-і-л-ді.

Командор звать-ST-CONV убивать-ST-PASS-PST

‘Командора позвали и убили.’

(51) казахский

\*Өзен тез тау-ы-п өт-і-л-ді.

Река быстро находить-ST-CONV проходить-ST-PASS-PST

‘Река быстро найдена и преодолена.’

Способность составных глагольных конструкций подвергаться пассивизации при морфологическом оформлении пассивным маркером лишь второго глагола известно как реструктурирование. Реструктурированию подвергаются части глагольной группы, находящиеся внутри вершины малого  $v$ <sup>37</sup>. Именно такая структура – с общим малым  $v$  – предлагается для тюркских СГ.

В теоретической литературе относительно свойств глаголов образа действия и результативных глаголов было сформулировано следующее наблюдение:

(52)<sup>38</sup>

Дополнительное распределение способа действия и результата:

Смысловые компоненты способа действия и результата находятся в дополнительном распределении: только один из них может быть лексикализован некоторым глаголом.

Проблема соотношения двух данных компонентов значения получила детальное исследование на английском материале<sup>39</sup>. Более поздние работы подтвердили исходную гипотезу, сопроводив ее свидетельствами из других языков, например, новогреческого<sup>40</sup>.

---

<sup>37</sup> Wurmbrand S. Infinitives: Restructuring and clause structure. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2001. x + 371 p.  
Wurmbrand S. Two types of restructuring – lexical vs. functional // *Lingua*. 2004. 114. P. 991–1014.

<sup>38</sup> Levin B., Rappaport Hovav M. Lexicalized meaning and manner / result complementarity // *Subatomic Semantics of Event Predicates* / ed. by B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín / Springer, Dordrecht. 2013. P. 49-70.

<sup>39</sup> Levin B. A constraint on verb meanings: Manner / result complementarity. Talk presented at Cognitive Science Department Colloquium Series. Brown University, Providence, RI, March 17, 2008.

Rappaport Hovav M., Levin B. Reflections on manner / result complementarity // *Syntax, lexical semantics, and event structure* / ed. by E. Doron, M. Rappaport Hovav and I. Sichel. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 21–38.

Levin B., Rappaport Hovav M. Lexicalized meaning and manner / result complementarity // *Subatomic Semantics of Event Predicates* / ed. by B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín / Springer, Dordrecht. 2013. P. 49-70.

Beavers J., Koontz-Garboden A. Manner and result in the roots of verbal meaning // *Linguistic Inquiry*. 2012. 43 (3). P. 331–369.

Сделанное Раппапорт Ховав и Левин наблюдение о несочетаемости глаголов результата и глаголов направленного движения с глаголами способа действия в рамках одного лексического значения подтверждается материалом тюркских языков. А именно, в случае, когда необходимо выразить одновременно результат либо направленное движение и образ действия, тюркские языки прибегают к образованию СГ. Наличие специальных конструкций: i) употребляющихся именно для комбинирования глаголов результата / директивов с глаголами способа и ii) обладающих специфическими морфосинтаксическими свойствами (например, способных к «нестандартной» пассивизации) подтверждает справедливость наблюдения о несочетаемости значений результата и способа действия в одной основе.

СГ аккумулируют в себе как свойства глаголов образа действия, так и свойства глаголов результата. Так, например, глаголы результата всегда предполагают наступление конечного состояния, которое не может быть отменено. СГ также демонстрируют невозможность отрицания результата:

(53) казахский

|        |     |            |             |             |              |
|--------|-----|------------|-------------|-------------|--------------|
| Отелло | үш  | минут-та   | Дездемонаны | бауызда-п   | өлтіре-ді.   |
| Отелло | три | минуты-LOC | Дездемону   | душить-CONV | убивать-PST. |

Значения:

- i) 'Отелло за три минуты задушил Дездемону.'
- ii) <sup>#</sup>'Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива'

Характеристическое свойство СГ, однособытийность, следует из того, что они образованы сочинением отдельных элементов лексической структуры каждого из глаголов (способа и результата). Общие части структуры и (следующее из этого) совпадение аргументов влечет однособытийность. Для последовательности вершин *v* (общая) – V-Manner & V-Result (от разных глаголов) и R (от глагола результата), обозначив время *v* как *t*<sub>1</sub>, V-Manner как *t*<sub>2</sub>, V-Result – *t*<sub>2'</sub>, а R – *t*<sub>3</sub>, получим:

(54)

[<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> [<sub>VP</sub> V-Manner (*t*<sub>2</sub>) ] & [<sub>VP</sub> [<sub>RP</sub> [<sub>RP</sub> R (*t*<sub>3</sub>) ] ] V-Result (*t*<sub>2'</sub>) ] ] ] *v* (*t*<sub>1</sub>) ]

<sup>40</sup> Alexiadou A., Anagnostopoulou E. Manner vs. result complementarity in verbal alternations: a view from the clear alternation // Proceedings of the 42nd annual meeting of the North East linguistic society. Vol. 1 / ed. by S. Keine and Sh. Sloggett. University of Toronto, 2013. P. 39–52.

(55)

a.  $t_1 \leq t_2; t_1 \leq t_2'$

b.  $t_2 \leq t_3; t_2' \leq t_3$

Более того, общий для двух глаголов внутренний участник предполагает совпадение интервалов  $t_2$  (образ действия) и  $t_2'$  (результат).

В типологической перспективе тюркские СГ образа действия и результата представляют собой один из распространенных типов сериальных конструкций – так называемые сериальные конструкции с общим аргументом (argument sharing)<sup>41</sup>.

**Глава 4** подробно поведение тюркских конструкций с сериальным глаголом (КСГ) в различных синтаксических контекстах. КСГ образуются смысловым глаголом в форме конверба на *-n* и вспомогательным глаголом.

Конвербы на *-n* (и их аналоги) являются для тюркских языков стандартным средством передачи последовательных событий, т.е. выполняют так называемую нарративную функцию<sup>42</sup>:

(56) мишарский

berkenne     ätäč     awɯl     kɯɣɣjɯna     čɯk-kan     imeš.

однажды     петух     деревня     на.край     выходить-PFCT     AUX

‘Однажды петух якобы вышел на край деревни.’

(57) мишарский

anda     ber     räšätkä-gä     **men-e-p**

там     один     решетка-DAT     **взобратся-ST-CONV**

arɣ-bire     **kar-a-n-ɣ-p**

туда-сюда     **смотреть-ST-REFL-ST-CONV**

dɯnia-nɯɣ     irken-leg-e-n-nän     käjäf-e     **kil-e-p**

мир-GEN     широкий-NOMIN-3-OBL-ABL     настроение-3     **идти-ST-CONV**

kanat-lar-ɣ-n     kag-ɣ-p     žiber-gän

крыло-PL-3-ACC     хлопать-ST-CONV     послать-PFCT

‘Там, взобравшись на решетку, стал осматриваться, пришел в хорошее настроение от того, что мир вокруг прекрасен и захлопал крыльями.’

<sup>41</sup> Baker M., Stewart O. T. A serial verb construction without constructions. Ms. Rutgers University, 2002. P. 111-151.

<sup>42</sup> Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs // CONVerbs in cross-linguistic perspective / ed. by M. Haspelmath and E. König. Berlin: Mouton, 1995. P. 97-136.

Здесь в первом предложении задается главный участник событий, которому в следующем предложении приписывается сразу несколько действий: ‘взобрался’, ‘осмотрелся’, ‘пришел в хорошее настроение’, ‘захлопал крыльями’. Каждый из глаголов, задающих эти действия, выступает в форме конверба на *-n*. Функция всех конвербов кроме последнего – оформление событий, связанных с одним действующим лицом. Функция последнего конверба от глагола ‘хлопать’ – оформление сериальной конструкции с глаголом *žiber-*.

Общая черта тюркских конвербов и русских деепричастий – субъектная ориентированность. Невыраженное подлежащее конвербов / деепричастий может соответствовать только подлежащему главной предикации:

(58) казахский

|    |        |          |              |          |
|----|--------|----------|--------------|----------|
| а. | Нұрлан | Русланды | бар-ы-п      | соқ-ты.  |
|    | Нурлан | Руслана  | идти-ST-CONV | бить-PST |

Значения:

i) \*‘Нурлан ударил Руслана, когда тот (т.е. Руслан) шел.’

ii) ‘Нурлан ударил Руслана, когда он (т.е. Нурлан) шел.’

В тюркских языках, ситуация, однако, сложнее. Конвербы здесь могут иметь собственное выраженное подлежащее:

(59) казахский

|        |          |                |        |     |           |             |
|--------|----------|----------------|--------|-----|-----------|-------------|
| Нұрлан | қаскырды | көр-і-п,       | Руслан | оны | мылтықтан | өлтір-ді.   |
| Нурлан | волка    | видеть-ST-CONV | Руслан | его | из.ружья  | убивать-PST |

‘Нурлан увидел волка, а Руслан убил его из ружья.’

(ср. русск.: \*Нурлан увидев волка, Руслан убил его из ружья.)

Конвербы на *-n* могут соответствовать как подчинительной, так и сочинительной связи:

(60) мишарский

|            |                |             |           |           |
|------------|----------------|-------------|-----------|-----------|
| Ätälär-e   | kil-e-p        | kız-nı      | a-p       | kitä-lär. |
| родители-3 | прийти-ST-CONV | девушка-ACC | брат-CONV | уйти-3.Pl |

Значения:

i) ‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку.’)

ii) ‘Родители пришли и забрали девушку.’

Принято считать, что за сочинением стоят симметричные (соположенные) структуры, а за подчинением – структуры с вложением<sup>43</sup>. За различными русскими переводами стоят разные исходные структуры: структура с вложением для подчинения и структура с соположением и для сочинения:

(61) мишарский

i) Ätälär-e [PRO kil-e-p] kxz-nx a-p kitä-lär.  
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брать-CONV уйти-3.Pl

‘Родители, придя, забрали девушку.’ (‘Когда родители пришли, забрали девушку.’)

ii) [Ätälär-e kil-e-p] [pro kxz-nx a-p kitä-lär.]  
 родители-3 прийти-ST-CONV девушка-ACC брать-CONV уйти-3.Pl

‘Родители пришли и забрали девушку.’

Таким образом, адьюнктивные клаузы соответствуют предложениям с вложенными конвербами, в то время как сочинительные структуры связаны с соположенными разносубъектными конвербами.

КСГ включают смысловой глагол в форме конверба и вспомогательный глагол:

(62) мишарский

ä tege ügi kxz ätä-sc belän begen dä  
 а тот чужой девочка отец-3 с сегодня и  
 jäš-ä-p jat-a  
 жить-ST-CONV лежать-ST.IPFV

‘А та сирота с отцом и по сей день живы (= живя лежат).’

Дистрибутивные свойства КСГ отличают их от простой комбинации двух глаголов. Между частями КСГ нельзя вставить дополнительного материала:

<sup>43</sup> Lehmann C. Towards a typology of clause linkage // Clause combining in grammar and discourse / ed. by J. Haiman and S. D. Thompson. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 181–226.

Haspelmath, M. Coordination // ed. by T. Shopen. Language Typology and Syntactic Description, 2nd ed., vol. 2: Complex constructions. Cambridge: CUP. P. 1–51.

Fabricius-Hansen C., Ramm W. Editor’s introduction: Subordination and coordination from different perspectives // Subordination versus coordination in sentence and text – from a cross-linguistic perspective / ed. by C. Fabricius-Hansen and W. Ramm. John Benjamins, 2007. P. 1–30.

(63) мишарский

|        |              |         |                |
|--------|--------------|---------|----------------|
| *a-lar | jäš-ä-p      | begen   | jat-a          |
| они    | жить-ST-CONV | сегодня | лежать-ST.IPFV |

‘Они и по сей день живы.’

КСГ характеризуются также общим ударением. То, что грамматическое значение передается именно конструкциями с контактным соположением и общим ударением, а не просто упоминанием двух глаголов в одной предикации, является аргументом в пользу реальности грамматических структур. Идея грамматикализации предполагает, что лексический глагол теряет самостоятельность и занимает структурную позицию показателя вида, времени, модальности и т.д. Тот факт, что сериализатор обязательно располагается контактно и имеет общее с лексическим глаголом ударение, свидетельствует о том, что переход происходит не просто от лексического значения к грамматическому, а одной структуры к другой.

Грамматикализации подвергаются предложения с односубъектными конструкциями, обладающими меньшим уровнем «синтаксической независимости» по сравнению с сочинением<sup>44</sup>. Случаи вложения предикаций представляют собой структуры с большим PRO и, как следствие, обязательным контролем из матричной предикации. Это предполагает большую зависимость аргументной и событийной структуры двух глаголов друг от друга:

(64) казахский

|         |                |          |               |            |
|---------|----------------|----------|---------------|------------|
| [Нұрлан | көлдің маңында | [су-ға   | қара-п ]      | тұр-ды]    |
| Нурлан  | озера возле    | вода-DAT | смотреть-CONV | стоять-PST |

‘Глядя на воду, Нурлан стоял возле озера.’

В процессе грамматикализации происходит переосмысление (реанализ) синтаксических связей внутри предикации. Участники, исходно определявшие условия протекания второй ситуации, ‘стоять’, переинтерпретируются как зависящие от первого глагола (*смотреть*):

(65) казахский

|         |         |         |          |               |            |
|---------|---------|---------|----------|---------------|------------|
| [Нұрлан | [көлдің | маңында | су-ға    | қара-п ]      | тұр-ды]    |
| Нурлан  | озера   | возле   | вода-DAT | смотреть-CONV | стоять-PST |

‘Нурлан стоял, глядя на воду возле озера.’

<sup>44</sup> Johanson L. On Turkic CONVerb clauses / ed. by M. Haspelmath and E. König. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 313–347.

Далее глаголы в финитной форме утрачивают валентность на подлежащее:

(66) казахский

[Нұрлан көлдің маңында су-ға кара-п тұр-ды]  
 Нурлан озера возле вода-DAT смотреть-CONV стоять-PST  
 ‘Нурлан долго смотрел на воду возле озера.’

В последнем примере глагол *стоять* уже не проецирует собственных зависимых, не имеет лексического значения и передает лишь значение длительности ситуации.

В результате грамматикализации сериализаторы оказываются в структурной позиции какой-либо из функциональных вершин<sup>45</sup>. В примере ниже сериализатор ‘ставить’ грамматикализировался как вершина Asp:

(67) мишарский

[<sub>CP</sub> marat [<sub>TP</sub> [<sub>AspP</sub> [<sub>VP</sub> iʃek-ne aʃ-ʁ-p] kuj]-dʁ]]  
 Марат дверь-ACC открывать-ST-CONV ставить-PST  
 ‘Марат вдруг открыл дверь.’

Подобный сценарий грамматикализации предсказывает, что наилучшими кандидатами в сериализаторы будут такие глаголы, которые регулярно являются (второй) частью сложного предложения. Мы действительно находим среди вспомогательных глаголов два таких класса. Один из них связан с глаголами позиции (*стоять, лежать, сидеть*) и глаголами состояния (*быть, оставаться*), которые регулярно задают фоновые действия в сложных предложениях. Другой такой класс – глаголы восприятия (*видеть*) и ментальные предикаты (*знать*), которые регулярно присоединяют сентенциальные актаны. Оба этих класса глаголов представлены среди тюркских сериализаторов.

Результаты исследования грамматической семантики сериализаторов на материале различных тюркских языков отображены в следующей сводной таблице:

<sup>45</sup> Cinque G. ‘Restructuring’ and Functional Structure // Structures and Beyond / ed. by A. Belletti. New York: Oxford University Press, 2004. P. 132–191.

**Таблица (3)** Грамматические значения, передаваемые различными классами глаголов

| Тематический класс                                           | Глагол                                | Грамматическое значение                 |
|--------------------------------------------------------------|---------------------------------------|-----------------------------------------|
| глаголы позиции и<br>ненаправленного движения                | <i>tur</i> ‘стоять’                   | прогрессив<br>имперфектив<br>хабитуалис |
|                                                              | <i>jat</i> ‘лежать’                   |                                         |
|                                                              | <i>oltur</i> ‘сидеть’                 |                                         |
|                                                              | <i>jürü</i> ‘ходить’                  |                                         |
| глаголы смены собственности                                  | <i>al</i> ‘брать’                     | аппликатив, лимитатив                   |
|                                                              | <i>ber</i> ‘дать’                     | аппликатив, инхоатив, результатив       |
| глаголы изменения<br>пространственного положения<br>пациенса | <i>jibär</i><br>‘посылать’            | результатив                             |
|                                                              | <i>sal</i> ‘класть’                   | пунктив                                 |
|                                                              | <i>qoj</i> ‘ставить’                  | пунктив, результатив                    |
|                                                              | <i>taşla</i> ‘бросать’                | пунктив                                 |
|                                                              | <i>at</i> ‘кидать’                    | пунктив                                 |
| глаголы направленного<br>движения                            | <i>bar</i> ‘идти’                     | директив, инхоатив                      |
|                                                              | <i>kel</i> ‘приходить’                | директив, прогрессив, хабитуалис        |
|                                                              | <i>ket</i> ‘уходить’                  | директив, результатив                   |
|                                                              | <i>çiq</i> ‘выходить’                 | директив, перфектив                     |
|                                                              | <i>kir</i> ‘входить’                  | директив                                |
|                                                              | <i>öt</i> ‘проходить’                 | директив, пунктив                       |
|                                                              | <i>tüş</i><br>‘спускаться,<br>падать’ | директив                                |
| глаголы восприятия                                           | <i>bil</i> ‘знать’                    | поссибилитив                            |
|                                                              | <i>kör</i> ‘видеть’                   | аттемптив                               |
|                                                              | <i>qara</i><br>‘смотреть’             | аттемптив                               |
| бытийные глаголы                                             | <i>bol</i> ‘быть’                     | поссибилитив, результатив               |
|                                                              | <i>qal</i><br>‘оставаться’            | результатив                             |

После построения интрагенитической типологии<sup>46</sup> грамматических значений тюркских сериализаторов предпринято детальное исследование свойств КСГ в мишарском диалекте татарского языка. Сериализаторы: *al-* ‘брать’, *bak-* ‘смотреть’, *bir-* ‘давать’, *črk-* ‘выходить’, *jat-* ‘лежать’, *kal-* ‘оставаться’, *kit-* ‘уходить’, *kuj-* ‘ставить’, *tır-* ‘стоять’, *teš-* ‘спускаться’, *žiber-* ‘бросать’ были исследованы с точки зрения их сочетаемости с показателями отрицания, пассива и каузатива.

КСГ и указанные показатели могут взаимодействовать одним из двух способов:

- i) некоторый сериализатор может сочетаться либо не сочетаться с определенным показателем,
- ii) правила такого сочетания: место прикрепления показателя (смысловой и/ли сериальный глагол), сфера его действия и другие особенности интерпретации могут различаться.

В результате исследования установлено, что за возможность КСГ сочетаться с грамматическими показателями ответственны сериализаторы. Сериализатор *črk-* здесь противопоставлен остальным, среди которых, возможно, выделяются в отдельный подкласс *tır-* и *jat-*. Грамматический сериализатор *črk-* не способен присоединяться после глаголов с показателями отрицания и деривационной морфологии, т.к. он располагается в вершине LowAsp (низкого аспекта), находящейся в структуре простой клаузы ниже данных показателей.

Основная группа грамматических сериализаторов может присоединяться к смысловым глаголам с маркерами отрицания, пассива и каузатива с одной стороны и оформляться данными показателями самостоятельно – с другой. Способность сериализаторов самостоятельно присоединять морфологические показатели проблематична при подходе к ним как функциональным вершинам. Для объяснения устройства таких предикаций была предложена идея частичной грамматикализации. При частичной грамматикализации глагол теряет свои сочетаемостные свойства постепенно: он уже не может иметь собственную лексическую проекцию, но еще имеет возможность проецировать функциональную структуру. Вспомогательные глаголы *tır-* и *jat-*, вероятно, прошли процесс грамматикализации до конца. Эти глаголы, скорее всего, «сбросили» с себя собственную «функциональную оболочку» и являются полноценными функциональными проекциями.

Что касается ограничений на интерпретацию, за них ответственны сами грамматические показатели. Отрицание предполагает сферу действия (СД) *in situ*. Антикаузативная реализация пассивной морфемы кроме СД *in situ* допускает распространение СД вниз по структуре. Это связано с тем, что антикаузативный показатель располагается на границе фазы (в формировании которой он сам и участвует), откуда его значение может взаимодействовать с функциональными проекциями, в которых располагаются вспомогательные глаголы.

<sup>46</sup> Агранат Т.Б. Сравнительный анализ грамматических систем прибалтийско-финских языков: принципы интрагенитической типологии. Дис. ... доктора филологических наук. 2009 М.: ИЯ РАН. 235 с.

Каузатив, напротив, допускает в ряде случаев «подъем» СД. Способность к подобному подъему связана с синтаксическими особенностями каузатива. Каузативный маркер – единственный среди исследованных показателей – связан с введением нового аргумента. Такой аргумент претерпевает стандартное передвижение вверх по структуре, что может вызывать распространение значения контроля, передаваемого каузативом, на серийный глагол.

В случае каждого из исследованных грамматических показателей наблюдается двойная интерпретация при дублировании морфологии на лексическом глаголе и сериализаторе. Это говорит о моноклаузальности КСГ – образовавшиеся из вспомогательных глаголов функциональные проекции уже не формируют отдельной самостоятельной предикации.

**Глава 5** посвящена различным аспектам морфосинтаксиса прилагательных и базируется в основном на русском материале. Для сопоставления привлекаются данные английского, французского, литовского, сербского, польского и некоторых других языков.

Обсуждение начинается с исследования дистрибутивных особенностей адъективных лексем с различными деривационными показателями. Суффиксы русских прилагательных демонстрируют поведение, напоминающее поведение элементов синтаксиса: i) они присоединяются лишь к определенным типам основ и ii) присваивают новообразованному элементу некоторый категориальный тип, с которым впоследствии оперирует синтаксис.

Сравнивая свойства прилагательных с суффиксами *-н* и *-ск*, можно обнаружить целый ряд отличий. Так, в функции наречия часто употребляются дериваты с *-н*, а не *-ск*:

(68) [интернет]

*Дональд Трамп поступил вполне человечно, приведя мальчика на инаугурацию...*

(69)

*\*Дональд Трамп поступил человечески, приведя мальчика на инаугурацию...*

Краткая форма также доступна для образований с *-н* и недоступна для дериватов с *-ск*:

(70)

- а. *человечен, представителен, романтичен, драматичен, фантастичен, ...*
- б. *\*человеческ, \*представительск, \*романтическ, \*драматическ, \*фантастическ, ...*

Аналогично краткой форме устроен и морфологический компаратив, ср.: «Не все качественные прилагательные образуют синтетические формы сравнительной степени. Этих

форм не имеют: 1) прилагательные с суффиксом -ск-: *дружеский, комический* (ср. *комичный – комичнее*), *ребяческий, ханжеский, приятельский ...*»<sup>47</sup>.

Те же ограничения накладываются и на образование абстрактных существительных:

(71)

- a. *человечность, специфичность, идиотичность, фантастичность, ...*
- b. *\*человеческость, \*специфическость, \*идиотическость, \*фантастическость, ...*

Далее, ряд суффиксов, добавляющих субъективную оценку говорящего, также присоединяется к прилагательным с -н, но не к прилагательным с -ск, ср.:

(72)

- a. *человечненький, специфичненький, идиотичненький, романтичненький, ...*
- b. *\*человеческенький, \*специфическенький, \*идиотическенький, \*романтическенький, ...*

Способность адъективных единиц к лексическому управлению также блокируется при употреблении суффикса -ск:

(73)

[интернет]

- a. *Мир столь реальный для неё и столь фантастичный для нас.*
- b. *\*фантастический для нас*

Резюмируя: суффикс -н можно назвать полноценным адъективизатором – он переводит исходную основу в новую категорию со всеми доступными для этой категории функциями. В то же время -ск является лишь атрибутивизатором – он приписывает основе признаки, необходимые для употребления в функции определения, не делая новообразованную лексему полноценным прилагательным.

Другое обсуждаемое в данной главе явление – так называемый генитив качества:

(74)

[Из произведений А. и Б. Стругацких]

- a. *Для детей старшего возраста*
- b. *два бокала уникальной формы*
- c. *ученый высокого класса*
- d. *спецсектор объектов невьясненного назначения*

---

<sup>47</sup> Янко-Триницкая Н. А. Русская морфология. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1989. 236 с.

Русский генитив качества подробно описан в работах современных исследователей<sup>48</sup>, однако нельзя сказать, что в его изучении поставлена точка. Одна из загадок русского генитива качества – обязательное наличие при нем определения, ср.:

(75) английский [интернет]

*The man of power welcomes conflict...*

‘Сильный человек рад противостоянию’ vs. \**Человек силы рад противостоянию.*

(76) французский [интернет]

*Pierre était un homme de puissance ...*

‘Петр был могущественным человеком’ vs. \**Петр был человеком могущества.*

Запрет на употребление генитивного существительного в отсутствие определения объясняется тем, что вся конструкция с генитивом качества имеет свойства и дистрибуцию прилагательного. Так, подобно прилагательным она может употребляться препозитивно:

(77)<sup>49</sup>

a. все эти потрясающей роскоши старые издания

b. удивительной красоты Кафедральный собор

Более того, прилагательные могут располагаться левее генитива качества:

(78) [интернет]

a. Его и без того огромные, небесной синевы глаза, которых не коснулся возраст...

b. ... она подобна огромной, гнусного вида обезьяне.

Генитив качества может также сочиняться с прилагательными:

<sup>48</sup> Koptjevskaja-Tamm M. “Maria’s ring of gold”: non-anchoring relations in the European languages // Possessives and Beyond: Semantics and Syntax / ed. by Kim Ji-yung, Yu. Lander and B. H. Partee. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 155–181.

Partee B. H., Borschev V. Sortal, relational, and functional interpretations of nouns and Russian container constructions // Journal of Semantics. 2012. P. 1–42.

Trugman H. Syntax of Russian DPs, and DP-internal agreement phenomena. Ph. D. dissertation. Tel-Aviv University, 2005. 465 p.

<sup>49</sup> Гращенков П. В. Синтаксис и типология генитивной группы. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т, ОТИПЛ. М., 2006. 254 с.

(79)

а. *большие и потрясающего качества экраны*

б. *огромные и всегда отличного качества фотографии*

Также допустимо предикативное употребление, ср., например, вторичную предикацию:

(80)

[интернет]

а. *Что предпринять, чтобы ребенок вырос высокого роста.*

б. *Живописцы изображают эллинов белокурыми, длинноголовыми и высокого роста.*

Генитив качества может присоединять характерные для прилагательных модификаторы, связанные, как правило, с выражением различной степени проявления признака:

(81)

[интернет]

а. *свисает со свода одинокий сталактит весьма необычного красного цвета*

б. *отсвечивающий меч самого зловещего вида*

Есть также ряд других свойств, сближающих генитив качества с прилагательным. Несмотря на приписываемое генитивное значение, генитивы качества, в отличие от посессивного и других типов генитива, ведут себя как адъюнкты, а не как аргументы. Они употребляются аналогично прилагательным, а семантически обозначают свойства. Из-за этого невозможна их замена местоимениями и вопросительными словами категории DP – необходимо использовать местоимения *какой, такой, тот* и т.д. Таким образом, генитивы качества – проекции с именной морфологией, адъюнктивным синтаксисом и адъективной семантикой.

Пятая глава исследует также предикативные свойства прилагательных. Один из объектов исследования – конструкции с атрибутивным обособлением (АО). Возможно два типа употреблений АО: постпозиция, (82), и выдвижение влево, (83):

(82)

[Ф.М. Достоевский, «Записки из мертвого дома»]

*...арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные...*

(83)

[СинТагРус<sup>50</sup>]

*«Вольные в князьях», новгородцы могли прогнать князя, оказавшегося негодным...*

<sup>50</sup> <http://www.ruscorpora.ru/search-syntax.html>

АО как правило являются распространенными атрибутивными составляющими, однако грамматичны и с единичным прилагательным, если сопровождаются интонационным выделением:

(84)

*Причем речь идет о глубинном, внутреннем стрессе, незаметном ↗ , но ...*

(85)

*Незаметный ↘ , этот стресс непременно проявится.*

В результате исследования свойств АО был предложен анализ, при котором постпозитивные АО представляют собой составляющие, которые содержат нулевую предикативную вершину Pred<sup>51</sup>:

(86) [PredP [DP *они*] [Pred [Pred Ø] [AdjP *усталые, но довольные*]]]

При озвучивании данной структуры вершина Pred соответствует паузе. Левое выдвижение деривируется из постпозитивной составляющей в два этапа. Сначала подлежащее (=носитель качества, предписываемого АО) PredP передвигается в некоторую структуру выше, (87.a). После этого Pred и ее атрибутивный комплемент (=собственно АО) передвигаются в позицию фокуса в начало предложения, (87.b):

(87)

a. [XP [DP *они*] [PredP *t*<sub>они</sub> [Pred [Pred Ø] [AdjP *усталые, но довольные*]]]]

b. [CP [PredP [Pred [Pred Ø] [AdjP *усталые, но довольные*]]] [TP [XP [DP *они*] *t*] [TP *пошли домой*]]]

Далее в Главе 5 предлагается подробное исследование способности разных семантических классов прилагательных присоединять зависимые. Результаты схематически представлены в Таблице (4):

<sup>51</sup> Bowers J. The syntax of predication // Linguistic Inquiry 24. 1993. P. 591–656.

**Таблица (4)** Семантические роли прилагательных

| Класс                                | Участник                      | Кодирование                           |
|--------------------------------------|-------------------------------|---------------------------------------|
| СОБСТВЕННО ОЦЕНОЧНЫЕ                 |                               |                                       |
|                                      | <u>субъект оценки</u>         | для + Gen; Dat                        |
| ВРЕМЕННЫЕ                            |                               |                                       |
|                                      | <u>субъект оценки</u>         | для + Gen                             |
| ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ                     |                               |                                       |
|                                      | <u>ориентир</u>               | от + Gen; к + Dat                     |
| ТОЖДЕСТВА                            |                               |                                       |
|                                      | <u>контрагент</u>             | Nom.Pl; DP & DP; Comitative; на + Gen |
| ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ             |                               |                                       |
|                                      | <u>адресат</u>                | к + Dat; Comitative; на + Gen         |
| БЕНЕФАКТИВНЫЕ                        |                               |                                       |
|                                      | <u>бенефактив</u>             | для + Gen; Dat                        |
| ИЗВЕСТНОСТИ                          |                               |                                       |
|                                      | <u>бенефактив</u>             | Dat                                   |
| ТИПИЧНОСТИ                           |                               |                                       |
|                                      | <u>субъект оценки</u>         | для + Gen                             |
| СОДЕРЖАНИЯ                           |                               |                                       |
|                                      | <u>содержание</u>             | Ins                                   |
| РАЗМЕР                               |                               |                                       |
|                                      | <u>целевой стандарт</u>       | Intens ... для + Gen                  |
| ФИЗИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА                  |                               |                                       |
|                                      | <u>целевой стандарт</u>       | Intens ... для + Gen                  |
| ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА И СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА |                               |                                       |
|                                      | <u>целевой стандарт</u>       | Intens ... для + Gen                  |
| ЛЮБОЙ                                | ОЦЕНОЧНЫЙ                     | КЛАСС                                 |
|                                      | <u>целевой стандарт</u>       | Intens ... для + Gen                  |
| ЛЮБОЙ                                | ОЦЕНОЧНЫЙ                     | КЛАСС                                 |
|                                      | <u>цель</u>                   | Intens ... чтобы + Inf                |
| РАЗЛИЧНЫЕ                            | КЛАССЫ                        |                                       |
|                                      | <u>обстоятельство времени</u> | Adv, PP                               |
| РАЗЛИЧНЫЕ                            | КЛАССЫ                        |                                       |
|                                      | <u>обстоятельство места</u>   | Adv, PP                               |
| РАЗЛИЧНЫЕ                            | КЛАССЫ                        |                                       |
|                                      | <u>адресат</u> и т.п.         | в отношении; по отношению к + DP      |

Наличие широкого репертуара зависимых позволяет выявить еще одну нетривиальную дистрибутивную особенность русских прилагательных. Полные формы (ПФ) прилагательных, имеющие синтаксические зависимые, могут выражать их лишь в атрибутивной функции:

(88)

[интернет]

*... гипнотизер ... сможет ввести в гипноз почти любого согласного на это человека.*

(89)

*\*Человек был согласный на это.*

(90)

[интернет]

*...женатый на иностранке мужчина ... должен доказать, что способен обеспечить жену.*

(91)

*\*Мужчина был женатый на иностранке.*

Данный запрет нерелевантен для краткой формы (КФ):

(92)

*Человек был согласен на это.*

(93)

*Мужчина был женат на иностранке.*

Для объяснения такого распределения предпринят анализ предикативных употреблений ПФ прилагательного сравнительно с КФ. Вслед за известной статьей А.В. Исаченко<sup>52</sup> и последовавшими за ней работами<sup>53</sup> предикативные ПФ считаются атрибутивными употреблением с невыраженным именным элементом.

Другой необходимый для объяснения указанной неграмматичности шаг – анализ структуры адъективной проекции в русском языке. Здесь вновь проявляется двоякая природа адъективной проекции. Русские прилагательные могут иметь либо «плоскую» морфологическую структуру:

(94) [Adj [atr [классич]-еск] -ий]

либо обладать развернутой адъективной проекцией:

---

<sup>52</sup> Исаченко А. В. Трансформационный анализ кратких и полных прилагательных // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 61–93.

<sup>53</sup> Babby, L. H. A transformational grammar of Russian adjectives, Hague-Paris: Mouton, 1975, 242 p.  
Siegel M. E. A. Capturing the Russian adjective // Montague grammar / ed. by B. H. Partee. New York: Academic Press, 1976. P. 293–309.

Pereltsvaig A. Copular sentences in Russian. A Theory of Intra-Clausal Relations. Studies in Natural Language and Linguistic Theory. XII. Springer Verlag, 2007. 168 p.

(95) [Adj [aP [NP человек] [aP [√ соглас [DP на все]] -н]] -ый]

Плоские структуры характерны для атрибутивизации. Они не могут содержать зависимых и лишены других свойств прототипических адъективов, т.к. в них отсутствует внутренняя оболочка [aP ], связанная с адъективной проекцией. Плоские структуры соответствуют атрибутивному и, как следствие, предикативному употреблению ПФ. Тот факт, что зависимые могут быть лишь в атрибутивных употреблениях, объясняется как невозможность построить предикативную ПФ с полной структурой:

(96) \*[Pred1P [Pred1 Ø] [nP [nP [Adj [aP [NP человек<sub>i</sub>] [aP [√ соглас [DP на все]] -н]] -ый]] [NP Ø<sub>i</sub>]]]

Подобная структура оказывается неграмматичной потому, что в ней в рамках одной именной проекции присутствуют две коиндексированные именные группы: одна – в позиции спецификатора прилагательного, вторая – нулевая вершина, возглавляющая предикативную именную группу.

Важным результатом обсуждения предикативного употребления прилагательных является вывод о том, что русские прилагательные не только способны иметь лексические зависимые, но также проецируют собственный спецификатор, с которым связана их аргументная структура и событийная интерпретация, ср. анализ осетинских СП в Главе 2.

Последняя часть Главы 5 посвящена синтаксису компаратива. Свойства морфологического и аналитического компаратива (МК и АК) в русском языке различны. МК в отличие от АК не может употребляться атрибутивно:

(97) [Из произведений А.Ф. Писемского]

а. ... его вообще считали в обществе более умным человеком, чем он был на самом деле!

б. \*Его считали умнее человеком, чем он был на самом деле.

МК также не несет в себе пресуппозиции наличия качества, выражаемого исходной положительной формой прилагательного, что отличает их от АК<sup>54</sup>:

(98) [Из произведений С.Т. Аксакова]

а. ...*шея* длинная, но короче, чем у гагары...

б. <sup>#</sup>...*шея* длинная, но более короткая, чем у гагары...

<sup>54</sup> Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.; Вена, 1998. 544 с.

На основании этих и ряда других свойств делается вывод о том, что структуры, стоящие за МК и АК в русском языке, различны. МК образуется при участии вершины Deg, в то время как АК проецируется «обычной» группой прилагательного. Вершина Deg надстраивается над адъективной оболочкой [aP] и лишена согласовательных признаков числа и падежа (поэтому атрибутивное употребление МК неграмматично):

(99) [DegP [CmP *чем груши*] [DegP [Deg *вкусн-ее*] [aP [a t]]]]

АК устроена иначе: прилагательное в АК передвигается из исходной позиции вершины в доминирующую над ней вершину Adj, содержащую флексии падежа и числа, что позволяет АК употребляться атрибутивно. Сравнительное наречие *более* (проекция Int) располагается в той же позиции, где обычно находятся интенсификаторы типа *очень*:

(100) [AdjP [IntP [Int *более*] [CmP *чем груши*]] [AdjP [Adj *вкусн-ые*] [aP [a t]]]]

МК всегда соответствуют развернутой группе прилагательного, которая (в отличие от плоской структуры) может проецировать группу Deg. Предложенная модель построения разных форм компаратива позволяет корректно представить все релевантные для ситуации сравнения синтаксические и семантические эффекты (особенности выражения объекта сравнения, дифференциала и т.д.)

В **Заключении** подытожены основные результаты диссертации. Главным результатом можно назвать применимость композиционного анализа к широкому кругу языковых явлений. В работе предложены способы построения композиционного представления для случаев разного рода отклонений от композиционности, имеющих место в типологически различных языках и проявляющихся в виде скобочного парадокса, нетривиальной сферы действия, эффектов реструктурирования и т.д. Принципы бинарной организации и интерпретации составляющих были обоснованы для русских сложных прилагательных, осетинских сложных предикатов, тюркских сложных глаголов «образ действия – результат», тюркских сериализованных предикаций, русских адъективных проекций.

Отношения между лексиконом и синтаксисом не ограничиваются тем, что лексикон поставяет строительный материал, используемый синтаксисом. Действия правил, подобных синтаксическим, можно усмотреть в организации лексических единиц. С другой стороны, лексическая деривация предопределяет дистрибутивные свойства основ. Наконец, корневые

лексемы в различных языках не демонстрируют акатегориальности даже в самом начале деривации.

## **ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, и изданиях, индексируемых системами Scopus и Web of Science:**

1. Гращенков П.В. Генитив при русских числительных: типологическое решение одной «сугубо внутренней» проблемы. // Вопросы Языкознания. №3, 2002, С. 74-119.
2. Гращенков П.В. Типология посессивных конструкций. // Вопросы языкознания, 2007, №3. С. 25-54.
3. Гращенков П.В. Подлежащее в деепричастных конструкциях тюркских языков // Вестник ТППГУ. Казань, 2011. №4 (26). С. 182–185.
4. Гращенков П.В. Тюркские конструкции со вспомогательным глаголом и деепричастием на -н // Урало-алтайские исследования. 2012. №1 (6). С. 55–78.
5. Grashchenkov P., Markman V. G. On the adpositional nature of ergative subjects // Lingua 122(3):10, 2012. P. 257-266.
6. Гращенков П.В. Сложные глаголы ‘образ действия – результат’ (на материале карачаево-балкарского и казахского языков) // Урало-алтайские исследования, 2014, №4 (15), С. 32-46.
7. Гращенков П.В. К эволюции нефинитных форм глагола. // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки). 2014. №3. С. 34-54.
8. Гращенков П.В. Синтаксические свойства суффиксов русских прилагательных // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки). 2015. №3. С. 28–39.
9. Гращенков П.В. Комитатив и каритив в тюркских и монгольских языках, их функции и возможная эволюция // Урало-алтайские исследования. 2015. №4 (19). С. 7-16.
10. Гращенков П.В., Ермолаева М.Б. О двойственной природе тюркских конвербов // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2015. №2. С. 42-57.
11. Гращенков П.В. Морфология – взгляд из синтаксиса // Вопросы языкознания. 2016. №6. С. 7–35.
12. Гращенков П.В. Осетинские сложные предикаты в типологической перспективе: общие черты и характерные особенности // Известия СОИГСИ. Вып. 22 (61) 2016. С. 105-112.

13. Гращенков П.В. Сложные прилагательные и выбор синтаксического формализма // Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки). 2016. №3. С. 75-96.
14. Гращенков П.В. Правила образования русских сложных слов и их компьютерная реализация // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. №6 С. 151-168.
15. Корнакова Е.В., Лютикова Е.А., Гращенков П.В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке. Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки), №4. 2016. С. 58-82.

**Рецензии в изданиях, рекомендованных ВАК, и изданиях, индексируемых системами Scopus и Web of Science:**

16. Гращенков П.В., Лукин О.В. "D. Beck. The typology of parts of speech systems: The markedness of adjectives. New York & London" // Вопросы Языкознания. 2005. №1. С. 152-157.
17. Grashchenkov P., Grashchenkova A. "Thomas Hanke. Bildungsweisen von Numeralia. Eine typologische Untersuchung, 2005" Berlin: Berliner Beitrage zur Linguistik" Review // Studies in Language. 2006. 30:4, P. 812–818.
18. Гращенков П.В. "R.M.W. Dixon. A.Y. Aikhenvald. Adjective classes: A cross-linguistic typology" // Вопросы Языкознания. 2008. №1. С. 141-145.

**Статьи, принятые к печати в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, и изданиях, индексируемых системами Scopus и Web of Science:**

19. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. О синтаксисе компаратива в русском языке (совместно с Е.А. Лютиковой) // Русский язык в научном освещении, принято к печати в №1/2017 (33)
20. Гращенков П. В. Как нарушить три запрета – немного о русских глаголах на *сам--ся* // Вопросы языкознания, принято к печати в № 4/2017
21. Гращенков П. В. К типологии отклонений от композициональности // Труды ИЛИ РАН (Acta Linguistica Petropolitana), принято к печати

## Разделы в коллективных монографиях и другие публикации:

22. Grashchenkov P. Russian comparatives: A CV of a complicated life story // *Minimalist explorations of the syntax-lexicon interface* / ed. by Young-Sun Kim. Seoul: Hankuk, 2008. P. 47-67.
23. Гращенко П.В., Лютикова Е. А. Об одном предлоге о трех формах, о структуре русской именной группы и обо всем остальном.. // *Фонетика и нефонетика*, п.ред. О. В. Федоровой и др., М: ЯСК. 2008, С. 480-507.
24. Гращенко П.В. Синтаксис конструкций с плавающими кванторами в тубаларском. // *Тубаларские этюды* / под ред. С. Г. Татевосова. М., 2009. С. 151–168.
25. Гращенко П.В. Дрейф квантора как свидетельство существования партитивной проекции в именной группе. // *Корпусные исследования по русской грамматике*, п.ред. К.Л. Киселевой и др., Москва. Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 397-426.
26. Grashchenkov P., Markman V. G. Non-core arguments in verbal and nominal predication: High and low applicatives and possessor raising // *The Proceedings of WCCFL*. 27. Los Angeles, CA: UCLA, 2010. P. 185–193.
27. Grashchenkov P., Markman V. G. Serial Verb Ditransitives in Turkic // *Proceedings of the 7th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL7)* /ed. by A . Simpson. MIT Working Papers in Linguistics. 62. Cambridge, MA. 2010. P. 79-90.
28. Гращенко П. В. Сложные предикаты в осетинском языке. // сб. по результатам работы конференции «Востоковедные чтения 2008» п.ред. З.М. Шаляпиной. Москва. Ин-т востоковедения РАН. 2010, С. 115-131.
29. Grashchenkov P., Ionov M., Malyutina S. Semi-tagged corpora method exemplified with a study of Ossetic nominalization // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конф. «Диалог»* (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). Вып. 10 (17) / ред. А. Е. Кибрик и др. М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 236–243.
30. Grashchenkov P. Development of TAM categories in Turkic: feeling free in the deterministic system // *Selected papers from SinFonJA3 (Novi-Sad, Serbia)* / ed. by Maja Markovic. Cambridge Scholars Publishing, 2012, P. 58-75.
31. Grashchenkov P. Restructuring in Turkic Auxiliary Constructions // “*The Proceedings of WAFL 8*”, MIT Working Papers in Linguistics. 2013. Cambridge MA: MITWPL. P. 91-102.
32. Гращенко П.В. «Думая найти» или некоторые наблюдения о регулярности несовместимого // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014»*, под

ред. Е.А.Лютиковой, А.В.Циммерлинга, М.Б.Коношенко. МГГУ им. М. А. Шолохова 2014, Москва, 35-58.

33. Гращенков П.В. «Теорема о двух» или немного о пределах синтаксиса // Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.) Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров» Выпуск 2 (2015). МПГУ. 2015. С. 63-74.
34. Гращенков П.В. Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка) // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / под ред. А.В. Циммерлинга, Е.А. Лютиковой. М: ЯСК. 2016. С. 444-467.
35. Гращенков П.В. К вопросу о синтаксической структуре обособленных атрибутов // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. Материалы междунар. науч. конф. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (30 мая – 1 июня 2016 г.) / под ред. Г. И. Кустовой, А. А. Пичхадзе. М., 2016. С. 70–81.

#### **Монографии:**

36. Гращенков П.В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Языки славянской культуры, 2015. 264 с.